

ЖОРА ХАРАКС

СССР. ТАМПЛИЕРЫ. ЧУЖИЕ ИМЕНА

ОДНО ИМЯ МОЖЕТ СТОИТЬ ЖИЗНИ.

17/С

Орлов
Смирнов
Кузнецов
Волков
Лебедев
Соколов
Морозов
Новиков
Петров
Васильев
Зайцев
Попов
Брагин
Федоров
Михайлов
Беляев
Громов

ЖОРА ХАРАКС
СССР. ТАМПЛИЕРЫ.
ЧУЖИЕ ИМЕНА

«Автор»

2026

ХАРАКС Ж.

СССР. ТАМПЛИЕРЫ. ЧУЖИЕ ИМЕНА / Ж. ХАРАКС —
«Автор», 2026

Москва, 1930 год. В переплётной мастерской находят убитым исследователя Павла Селезнёва. Рядом — старинная грамота, будто доказывающая, что тамплиеры пережили гибель ордена и добрались до России. Но убийца пришёл не за легендой. Исчезла папка 17/С — сведения о людях, которым тайный «Орден Света» помогал деньгами и лекарствами. Для следователя Ильи Воронцова это ключ к преступлению. Для ОГПУ — готовый перечень подозреваемых. Для тех, чьи имена оказались на бумаге, — угроза свободе. Четыре рубля, выданные матери больного мальчика, оказались опаснее средневековых реликвий. Дарья Левицкая умеет отличать подлинник от подделки. Теперь ей предстоит понять, как невинная строка становится приговором. Чем ближе расследование к разгадке, тем опаснее простая вещь — назвать человека по имени. Кто убил Селезнёва? И можно ли раскрыть преступление, не выдав тех, кого он пытался защитить?

© ХАРАКС Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	98

ЖОРА ХАРАКС

СССР. ТАМПЛИЕРЫ. ЧУЖИЕ ИМЕНА

Глава

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА

Москва. Воскресенье, 24 августа 1930 года.

1. Чужой список

У Сухаревой башни Павел Селезнёв заметил человека, державшегося в нескольких шагах позади.

Незнакомец не прятался: шёл через редкую воскресную толпу, держал пиджак на согнутой руке и дважды остановился у газетных щитов. Селезнёв тоже остановился. Прочитал заголовок о новом заводе, которого ещё не существовало даже на фотографии, и объявление о наборе рабочих на курсы. Человек остался у другого щита.

Можно было свернуть к трамвайной остановке, войти в открытый магазин, попросить милиционера пройти рядом до угла. Селезнёв сделал всё наоборот. Перешёл улицу перед вагоном, услышал звонок за спиной и пошёл к переплётной мастерской Кудинова.

Там лежала синяя папка.

Всё остальное могло подождать.

Августовский воздух стоял над Москвой тяжёлый, с металлическим привкусом. Днём обещали грозу, но небо только темнело над крышами, будто собиралось передумать. Возле булочной спорили две женщины: одна уверяла, что мука завтра будет, другая спрашивала, почему тогда очередь составляют сегодня. На углу мальчишка продавал вечерние выпуски, хотя до вечера оставалось часа три.

Селезнёв оглянулся.

Человека у газетного щита уже не было.

Пропавший из виду человек мог свернуть куда угодно. Павел велел себе помнить об этом, но всё равно ускорил шаг.

Мастерская помещалась во дворе бывшего доходного дома. Ворота перекошились; под новой табличкой проступала старая эмалевая цифра. Павел задержал на ней взгляд. Известь плохо скрывала прежний адрес — как и некоторые новые даты скрывали старый текст.

Во дворе пахло мокрым картоном, лошадьё и угольной пылью. Дожда не было, но из трубы второго этажа капало. Под водостоком стояло ведро. Каждая капля падала с одинаковым звуком, хотя интервалы были разными.

Пётр Степанович Кудинов уже запирает дверь.

— Нет, — сказал он, увидев Селезнёва.

— Я ещё ничего не попросил.

— Воскресенье. Поэтому нет заранее.

Кудинов был невысок, широк в плечах и всегда выглядел так, будто только что поднял вещь, которую остальные сочли неподъёмной. На фартуке темнели пятна клея. Левую ладонь он держал раскрытой: на ней лежал ключ.

— Полчаса, — сказал Селезнёв.

- Вчера было полчаса.
- Вчера я искал.
- А сегодня?
- Нашёл.

Кудинов перестал сердиться. Это было хуже. Сердитого мастера можно было уговорить; заинтересованного приходилось посвящать в подробности.

- Что нашли?
- Селезнёв показал конверт. Не открыл. Кудинов посмотрел на него, затем на двор.
- За вами кто-нибудь шёл?
- Возможно.
- Это значит да?
- Это значит, что я не видел достаточно.
- Вы иногда говорите как протокол, Павел Андреевич.
- Протокол хотя бы обязан отделять увиденное от придуманного.
- Кудинов сунул ключ обратно в замок.
- Полчаса.
- Сорок минут.
- Тридцать пять. И я остаюсь.
- Нет.
- Тогда двадцать девять и тоже остаюсь.
- Селезнёв невольно улыбнулся.
- Идите домой, Пётр Степанович. У вас жена ждёт.
- Жена ждёт, чтобы я починил оконную раму. Это разные вещи.

Он открыл дверь. Внутри было прохладнее, чем во дворе, и темнее. Длинное помещение пересекали столы. На одном сохли переплётные крышки, на другом лежали ножи, костяные гладилки и мотки суровой нити. В глубине чернел пресс. Рядом стояла лестница, прислонённая к шкафу.

- Селезнёв сразу посмотрел на нижнюю полку.
- Синяя папка была на месте.
- Вы её трогали?
- После вчерашнего — нет.
- Кто-нибудь приходил?
- Фёдор утром забрал два заказа. Больше никого.
- Фёдор открывал шкаф?
- У Фёдора руки есть. Но ключ был у меня.

Селезнёв снял папку. На корешке выцвели цифры: 17/С. Буква могла означать фамилию, раздел или прежнего владельца. В старых описях одна буква иногда переживала объяснение, которое ей дали.

- Кудинов не уходил.
- Пётр Степанович.
- Что?
- Окно.
- Какое?
- Которое ждёт ваша жена.
- Кудинов вытер ладони о фартук.
- Дверь захлопнется сама. Ключ оставьте под пресс-папье, утром заберу.
- Хорошо.
- И лестницу не двигайте. Ножка шатается.
- Я не полезу наверх.

— Вчера тоже не собирались.

Мастер прошёл к двери, но у порога остановился.

— Павел Андреевич.

— Да?

— Если за вами действительно шли, полчаса ничего не решат.

— Именно поэтому мне нужно двадцать девять минут.

Кудинов хотел сказать ещё что-то, передумал и вышел.

Селезнёв дождался, пока его шаги стихнут под аркой. Потом положил конверт рядом с папкой.

В конверте лежала копия сообщения с позавчерашним регистрационным штампом.

В папке — имена людей, которые не знали, что стали доказательством.

2. Четыре рубля

Он начал не с грамоты.

Ещё неделю назад он первым взялся бы за грамоту 1782 года. Три месяца она занимала его сильнее живых собеседников. Старая бумага, ровная цепочка владельцев, осторожные ссылки на русских братьев, будто продолживших дело разгромленного ордена. Документ обещал то, чего обычно не обещают документы: красивую историю без разрывов.

Теперь грамота лежала в стороне.

Селезнёв раскрыл книгу получателей на августе. Почерк менялся от строки к строке. Кто-то записывал фамилии полностью, кто-то оставлял инициалы, кто-то обозначал человека цветком, геометрической фигурой или старым прозвищем. Никакого единого шифра не существовало. Существовала осторожность разных людей, плохо согласованная между собой.

Он нашёл нужную запись.

«М. Л. — 4 р.»

Четыре рубля.

Не золото тамплиеров. Не тайный капитал за границей. Деньги на муку, керосин и лекарство мальчику, который слишком долго кашлял по ночам.

Селезнёв видел его один раз. Миша сидел на ступеньке, обхватив руками деревянное колесо от сломанной игрушки. Мать велела поздороваться. Он поздоровался и сразу спросил, умеет ли Павел Андреевич чинить оси.

— Нет, — ответил Селезнёв.

— Тогда зачем вы пришли?

Мария покраснела. Селезнёв сказал, что вопрос разумный.

Он пришёл проверить, дошли ли четыре рубля. Так было записано в назначении, и так следовало делать, если хотел отличить помощь от красивого рассказа о помощи. Мария показала квитанцию из аптеки и рассердилась.

— Если не верите, заберите остаток.

— Верю не вам и не книге, — сказал Селезнёв. — Я сравниваю их между собой.

— А человек между ними где?

Тогда он не ответил. Теперь слова находились, только Марии рядом не было.

Человек оказывался там, куда попадала бумага.

Селезнёв вынул из конверта копию сообщения. Машинописный лист был коротким. Сведения о нескольких участниках кружка, встречи, фамилии, суммы. Автор отделял наблюдение от догадки не хуже опытного архивиста. Особенно осторожно была составлена строка о Марии Лунёвой. Полное имя. Адрес. Четыре рубля. Дата передачи.

Внизу стояла регистрационная отметка: 22/VIII.

Двадцать второе. Позавчера. Павел снова сравнил штамп с записью о выдаче денег: чужой доклад уже шёл по ведомствам, пока он пытался установить, кто передал сведения.

Он приложил копию к странице книги.

В книге фамилии не было.

Полностью она встречалась в другом месте: на отдельной ведомости, составленной после проверки выдачи. Ведомость хранилась не в музее и не у Веры. Её видел узкий круг людей. Слишком узкий, чтобы списать совпадение на слух.

Павел достал карандаш и написал на полях своего листа:

«Откуда полное имя?»

Ниже:

«Кто имел копию до 22/VIII?»

Потом перечеркнул слово «копию». Копии могло не быть. Достаточно памяти.

За окном двора хлопнула дверь.

Селезнёв поднял голову.

Сначала стихли шаги. Потом под трубой снова стукнула капля о дно ведра. Павел подошёл к окну. Во дворе никого не было. В арке на секунду показалось плечо прохожего, но человек не вошёл.

Он вернулся к столу.

В папке 17/С лежала ещё одна причина спешить: лист со временем посещения мастерской. 20 августа один из знакомых приходил к Кудинову поговорить с Селезнёвым. В исходной записи стояло «17.40». Поверх нуля более тёмными чернилами вывели пятёрку.

17.45.

Время могли уточнить по часам позднее. Но пятёрку поверх нуля вывели другой ручкой. А тот, чьи инициалы стояли рядом, вчера уверенно назвал без исправлений совсем другое время.

Селезнёв не собирался обвинять его. Он собирался спросить.

Это различие часто существовало только в голове того, кто задавал вопрос.

Для остальных вопрос уже звучал обвинением.

Он закрыл книгу и потянулся к грамоте 1782 года. Старая бумага хрустнула сухо. Нина предупреждала не трогать её без подложки; Павел подложил картон. Он посмотрел на линии, которые ещё недавно казались дорогой через полтора столетия. Теперь видел остановки: слово, пришедшее из более позднего перевода; форму буквы, слишком старательно состаренную; пятно, закрывавшее место прежней записи.

На обороте под косым светом проступали четыре цифры.

Последнюю он читал уверенно.

Предпоследнюю — почти.

1913.

Если он был прав, древняя грамота оставалась старой бумагой с молодым текстом. Разоблачение грозило нескольким репутациям, но не объясняло, почему сведения о Марии Лунёвой уже ушли туда, где ими могли воспользоваться.

Подлог смотрел назад.

Список — вперёд.

Селезнёв сложил бумаги так, чтобы грамота оказалась сверху. Человек, который войдёт и увидит стол, сначала заметит её.

Это было детское ухищрение.

Он всё-таки оставил.

На краю стола лежало деревянное колесо.

Селезнёв заметил его не сразу. Кудинов, должно быть, переложил вместе с мелкими заказами: две картонные коробки, футляр для метрической книги, детский букварь с оторванным корешком. Колесо было размером с ладонь, с неровным отверстием посередине. На ободе карандашом стояла буква «М».

Миша принёс его три дня назад.

Мальчик явился в музей один, мокрый после дождя и очень серьёзный. Сказал, что мать не велела беспокоить взрослых, поэтому он пришёл не к взрослым, а к человеку, который разбирается в старых вещах. Селезнёв спросил, кто сообщил ему эту опасную ложь.

— Мама, — ответил Миша. — Только она сказала про бумаги.

Колесо принадлежало деревянному автомобилю. Ось раскололась. Новую можно было выточить за десять минут, если иметь нож, сухую лучину и руки Кудинова. У Селезнёва были только первые два условия.

— Оставляй, — сказал он. — Попрошу мастера.

— А вы сами не можете?

— Могу испортить.

— Это я и сам могу.

Миша подумал и отдал колесо.

Теперь оно лежало рядом с четырьмя рублями и полным именем его матери.

Селезнёв взял колесо, провёл ногтем по трещине. Нина сказала бы, что предметы нельзя наделять намерениями. Колесо не могло упрекать. Лист не мог предавать. Папка не могла бояться.

Зато человек мог сделать всё это за них.

Он нашёл среди обрезков тонкую буковую планку, примерил к отверстию и взял нож. Работа оказалась неудобной. Стружка сходилась толстыми завитками, заготовка упрямо оставалась четырёхугольной. Через минуту Селезнёв порезал большой палец.

— Прекрасно, — сказал он себе.

Кровь выступила маленькой тёмной бусиной. Он вытер палец об носовой платок и посмотрел на инструменты. Кудинов расставлял их по назначению, но Павел всё равно не понимал половины. Один молоток был лёгким, другой широким, третий — тот самый, с обмолотанной ручкой — тяжёлым и коротким. Им мастер выравнивал плотные сгибы и осаживал непослушный картон.

Селезнёв выбрал костяную гладилку.

— Бумаги, — сказал он деревянному колесу. — Только бумаги.

Он обернул планку обрезком наждака и стал вращать. Постепенно углы исчезли. Новая ось получалась кривой, но входила в отверстие. Он попробовал посадить колесо плотнее, затем ослабил. Оно сделало полный оборот.

Селезнёв улыбнулся.

На столе лежало доказательство того, что он способен чинить хотя бы вещи, которые не спорят.

Он завернул колесо в газетный лист и написал сверху: «Мише. Не проверено на дороге».

Рядом положил аптечную квитанцию Марии. По квитанции проверяли покупку лекарства. Павел представил, как чужой чиновник положит её рядом со списком и подчеркнёт одно слово — «связь».

Селезнёв снова прочёл сообщение.

Автор не писал, что Мария состояла в ордене. Он сообщал, что ей помогли люди из круга. Формулировка была аккуратной. Именно аккуратность пугала сильнее всего. Не сплетник. Не случайный посетитель. Человек понимал цену слов и заранее оставлял себе путь отступления.

Павел взял чистый лист.

«Передача сведений не может быть отнесена к одному источнику без проверки», — написал он.

Подумал и добавил:

«Политическая оценка помощи не относится к вопросу об убийстве, которого пока нет».

Последние слова показались нелепыми. Он зачеркнул их. Никто ещё не был убит. Не следовало писать так, будто будущее уже лежало в папке.

Он начал заново:

«Если со мной что-нибудь случится...»

Остановился.

Эта фраза была хуже любой легенды. Она заранее делала автора правым, а всякое несчастье — подтверждением его версии. Селезнёв смял лист и бросил в корзину.

Затем достал обратно, расправил и порвал на мелкие части.

Он не хотел оставлять даже чернового обвинения.

Лист мог попасть в чужие руки раньше, чем он успеет проверить хоть одну фамилию.

В дверь постучали.

Не громко. Два раза.

Павел посмотрел на часы. Кудинов ушёл одиннадцать минут назад.

Стук повторился.

— Пётр Степанович?

— Нет.

Голос был знаком.

Селезнёв не сразу подошёл к двери.

— Почему вы здесь?

— Потому что вы не пришли.

— Мы не договаривались.

— Вы передали, что хотите спросить о двадцатом числе.

Павел вспомнил записку, оставленную утром. Не приглашение. Просьбу увидеться завтра.

— Завтра, — сказал он через дверь.

— Завтра вы отнесёте бумаги Воронцову.

Селезнёв положил ладонь на засов.

Только тогда он понял: человек знает, какие именно бумаги лежат перед ним.

3. Посетитель

Он мог не открыть.

Можно было дожидаться утра. Но за дверью стоял человек, которого Павел сам собирался спросить о двадцатом числе.

Селезнёв отодвинул засов.

Посетитель вошёл быстро, будто опасался, что хозяин мастерской передумает. Пиджак был надет, хотя на улице стояла духота. На лбу блестел пот. В правой руке он держал шляпу.

— За мной шли? — спросил Павел.

— Что?

— От Сухаревой башни.

— Я пришёл с другой стороны.

Ответ прозвучал быстро. Селезнёв едва не записал эту поспешность мысленно рядом с другими подозрениями. Но темп речи ничего не устанавливал.

Посетитель оглядел мастерскую.

— Кудинов где?

— Дома.

— Вы один?

— Пока да.

— Зачем вы сказали ему про двадцатое августа?

— Я не говорил Кудинову.

Пауза получилась короткой, но настоящей.

— Тогда кому?

— Вот это я и хотел понять.

Посетитель положил шляпу на край стола. Увидел грамоту.

— Нашли?

— Что именно?

— Не играйте со мной, Павел Андреевич.

— Я работаю.

— Вы всегда называли это одним словом, когда речь шла о чужой жизни.

Селезнёв сел: теперь между ним и прессом стоял стул.

— Если вы пришли из-за грамоты, можете не беспокоиться. Я не стану объявлять результат до второй экспертизы.

— А результат уже есть?

— Есть сомнение.

— Вы погубите людей сомнением.

— Людей губят не сомнения. Их губит уверенность, которой никто не проверил.

— Хорошая фраза.

— Плохая. Зато точная.

Посетитель провёл пальцем по полям грамоты, не касаясь текста.

— Старая бумага.

— Да.

— Старые чернила.

— Возможно.

— И всё равно вам мало.

— Мне не мало. Мне нужно знать, когда текст оказался на бумаге.

— Для чего?

— Чтобы не заставлять бумагу свидетельствовать о том, чего она не видела.

Посетитель посмотрел на него с усталой злостью.

— Вы слышите себя? Бумага у вас видит. Бумага говорит. А люди — материал для сверки.

Селезнёв вспомнил Марию у стола, аптечную квитанцию и вопрос о человеке между книгой и проверкой.

— Поэтому мы сейчас говорим не о грамоте.

Лицо посетителя изменилось едва заметно.

— А о чём?

Павел достал копию сообщения, но не передал.

— Оно зарегистрировано двадцать второго августа.

— Что это?

— Вы знаете.

— Если бы знал, не спрашивал бы.

— Полное имя Марии Лунёвой. Адрес. Четыре рубля.

Посетитель не потянулся к листу. Это было важнее, чем если бы потянулся.

— Она получала помощь.

— Значит, знаете.

— Об этом знали многие.

— О помощи — да. О полном имени рядом с суммой — немногие.

— И что вы собираетесь делать?

— Сначала поговорить со всеми, кто видел ведомость.

— Со всеми.

Он произнёс слово без вопроса.

— Именно.

— Вы принесёте список в уголовный розыск. Там его перепишут. Потом он попадёт ещё куда-нибудь. Вы будете искать одного человека и отдадите всех.

— Не отдам.
— Бумага не спрашивает, куда её понесут после вас.
— Поэтому подлинник останется здесь.
— А копия?
Селезнёв не ответил.
Посетитель посмотрел на конверт.
— Уже сделали.
— Это копия сообщения, не списка.
— Там имена.
— Там уже есть имена. До меня.
— Разница утешит их детей?
В мастерской стало тихо. Даже капли за окном прекратились.
Селезнёв сказал:
— Кто-то передал сведения раньше. Не я.
— Но закончите вы.
— Я установлю, кто это сделал.
— И что потом?
— Потом каждый будет отвечать за своё.
Посетитель усмехнулся.
— Вы правда в это верите?
— Иначе мне нечего делать с документами.
— Документы не судят каждого отдельно. Их складывают в папку.
Он произнёс последнее слово, глядя на синюю обложку.
Селезнёв накрыл её ладонью.
— Откуда вы знаете номер?
— Я не называл номера.
— Вы смотрите на нужную папку.
Посетитель отвернулся к окну.
Во дворе кто-то засмеялся. Смех поднялся к верхним этажам и оборвался.
— Вы не понимаете, — сказал он. — Сейчас нельзя быть чистым за чужой счёт.
— А грязным за чужой можно?
— Не начинайте.
— Я ещё не начал. Я спросил о пяти минутах.
Посетитель резко повернулся.
— Каких пяти минутах?
Селезнёв вынул лист посещений.
— Двадцатого августа время исправлено. Вы называли другое.
— Я мог ошибиться.
— Могли.
— Тогда зачем этот допрос?
— Это не допрос.
— Для вас всё не допрос, пока рядом нет протокола.
— Кто исправил запись?
— Не знаю.
— Рядом ваши инициалы.
— И что это доказывает?
— Пока ничего.
— Ваше любимое слово.
— Моё любимое слово — «проверить».

— Нет. Ваше любимое слово — «пока». Оно позволяет человеку ещё несколько часов считать себя невиновным.

Селезнёв встал.

— Вы пришли не спорить.

— Отдайте лист.

— Какой?

— С именами.

— Нет.

— Уничтожьте хотя бы полные адреса.

— Тогда я уничтожу путь утечки.

— Вы спасёте людей.

— Не уверен.

— А если я уверен?

— Тогда объясните почему.

Посетитель сжал край стола. На правом рукаве натянулась ткань. Нитка у манжеты лопнула беззвучно.

— Потому что я знаю, что бывает после таких бумаг.

— Откуда?

— Это не имеет значения.

— Имеет.

— У вас всё имеет значение, кроме страха.

— Страх тоже. Но он не может один решать, кто останется в списке, а кто исчезнет.

— Может, если список убивает.

— Список уже вышел отсюда.

— Тогда дайте мне найти остальные копии.

— Чтобы что?

— Чтобы их не было.

— А людей?

Посетитель молчал.

Селезнёв вдруг понял, что ответ ему не понравится, каким бы он ни был.

4. Один удар

Первым двинулся Селезнёв.

Он взял конверт и шагнул к шкафу, собираясь убрать копию отдельно от папки. Посетитель перехватил его запястье.

— Отпустите.

— Дайте лист.

— Отпустите руку.

— Вы не выйдете с ним.

— Я уже здесь.

Селезнёв рванулся. Конверт упал. Несколько листов разлетелись по полу. Посетитель наклонился, но Павел оттолкнул его плечом.

Тот отступил к прессу.

На металле коротко скрипнула ткань.

— Стойте, — сказал Селезнёв.

Посетитель посмотрел на правый рукав. Возле локтя темнел свежий разрыв. Край зацепился за выступ пресса; две синие нитки остались на ржавом зубце.

— Вам уже мало слов. Вы за нитками следите, — сказал он.

— Я ничего не превращаю.

— Уже смотрите.

Селезнёв действительно смотрел на нитки.

Посетитель сорвал рукав с выступа. Ткань расползлась сильнее.

— Уходите, — сказал Павел. — Завтра поговорим при Воронцове.

— Нет.

— Тогда я позову людей.

Он шагнул к окну.

Лестница стояла на пути. Селезнёв отодвинул её одной рукой. Шатающаяся ножка подвернулась, лестница ударилась о шкаф, верхняя перекладина соскользнула. Павел успел удержать её, но очки упали на пол.

Одна линза треснула.

— Не двигайтесь, — сказал посетитель.

Без очков лицо напротив потеряло резкость. Остались светлая кожа, тёмный воротник, блеск пота.

— Уйдите.

— Лист.

— Нет.

Селезнёв нагнулся за очками.

Посетитель и сам не понял, в какую секунду увидел молоток. Он лежал у стопки картона — тяжёлый переплётный инструмент с рукоятью, обмотанной потемневшей тканью. Кудинов оборачивал её, чтобы ладонь не скользила от клея.

Рука потянулась к нему раньше, чем нашлось решение, что делать дальше.

Селезнёв выпрямился с очками в пальцах. Увидел движение, но не предмет.

— Не надо, — сказал он.

Удар пришёлся сбоку.

Не было ни вспышки, ни громкого звука. Павел ощутил тупое тепло над ухом и удивился, что мастерская накренилась целиком. Стол ушёл вверх. Пол приблизился.

Он упал на колено, потом на ладонь. Очки отлетели под лестницу.

Посетитель стоял рядом, всё ещё держа молоток.

— Павел Андреевич.

Селезнёв хотел ответить. Получился выдох.

— Я не хотел.

Слова прозвучали раньше, чем он подумал о помощи.

Селезнёв попробовал подняться. Правая рука не удержала. Он увидел совсем близко половицу, чёрный след сапога, белый угол копии сообщения. На листе стояла дата — 22/VIII. Она оставалась чёткой.

Посетитель опустил рядом.

— Слышите меня?

Павел слышал. Ответить не мог.

Рука коснулась его шеи, неумело нащупывая пульс. Потом исчезла.

Шаги отошли к двери.

Селезнёв подумал, что человек зовёт помощь.

Он ошибся.

Засов не двинулся.

Посетитель вернулся к столу.

Бумаги зашуршали.

Павел собрал остаток сил и подтянул к себе лист. Пальцы оставили на полях тёмное пятно. Он хотел закрыть дату, имя, сумму — что-нибудь одно. Лист выдернули.

— Где книга?

Селезнёв повернул голову к синей папке.

Посетитель проследил взгляд.

Это было последнее, что Павел успел понять ясно: он сам показал.

Потом мастерская стала звуком. Дыхание рядом. Скрип шкафа. Удар дерева о стену. Шорох картона. Тяжёлые шаги возле пресса.

И ещё один звук — тихий, почти домашний: человек плакал, стараясь не произносить ни слова.

5. Порядок вещей

Посетитель сидел на полу около минуты.

Он не смотрел на часы. Всё, что было до удара, отделилось от того, что следовало сделать теперь.

Селезнёв лежал неподвижно.

Молоток оказался на коленях посетителя. Ткань на рукоятки потемнела там, где её сжимали пальцы. Он положил инструмент на пол и тут же поднял: оставлять рядом было нельзя.

Нужно было позвать врача.

Эта мысль возникла спокойно, как правильный ответ в учебнике.

Он дошёл до двери.

За дверью был двор. В арке могли стоять люди. Кудинов мог вернуться за забытым ключом. Врач увидит разорванный рукав. Милиционер спросит, зачем он пришёл в воскресенье. Воронцов положит на стол копию сообщения и запись о пяти минутах.

А потом спросят не только о смерти.

Спросят об именах.

Он вернулся.

Сначала поднял лестницу. Поставил её ближе к телу, затем дальше, попробовал представить падение человека с верхней перекладки. На полу не было книги, ради которой стоило бы лезть. Он взял с полки толстый том и положил раскрытым возле руки Селезнёва.

Слишком аккуратно.

Закрыл.

Сдвинул на бок.

Треснувшие очки нашлись под нижней ступенью. Одно стекло держалось, другое расколосось, но не выпало. Посетитель положил их рядом с лицом. Затем заметил, что на оправе нет пыли, а на полу есть. Провёл очками по доске.

Это тоже выглядело нарочно.

Он отошёл на шаг и оставил очки там, куда сам их положил.

Конверт лежал под столом. Копия сообщения была на месте. Список — нет.

Синюю папку он открыл быстро. Внутри находились черновики, ведомость помощи, журнал посещений и несколько листов о грамоте. Он искал полные имена. Нашёл страницу с Марией Лунёвой. Ниже стояли другие фамилии.

Можно было вынуть страницу.

Тогда останется разрыв нумерации.

Можно было забрать папку.

Тогда станет ясно, что искали.

Он услышал голос Селезнёва: «Я установлю, кто это сделал».

— Уже установили, — сказал посетитель.

Собственный голос заставил его вздрогнуть.

Он закрыл папку, оглядел мастерскую и увидел щель между шкафом и стеной. Шкаф был тяжёлым, но после удара лестницы отошёл на несколько пальцев. Посетитель протолкнул синюю папку ребром. Она застряла. Он надавил ладонью, затем взял костяную гладилку и продвинул глубже.

Папка упала за шкаф.

Достать её без перестановки мебели было трудно.

Не невозможно.

Он уже понял разницу между этими словами и не хотел думать о ней.

Оставался молоток.

Вынести его значило пройти через двор с тяжёлым предметом. Оставить на виду — дать следствию оружие. Посетитель поднял инструмент и отвернулся от тела.

Дальше пальцы действовали быстрее мысли. Скрипнуло дерево, что-то тяжёлое коснулось пола, на ладонь легла пыль. Наверху хлопнула дверь, и он замер, прислушиваясь к шагам. Когда шаги стихли, руки были пусты.

Из дверей молотка не было видно.

Он не позволил себе проверить ещё раз.

Посетитель посмотрел на свой рукав.

Разрыв шёл от локтя к манжете. Пришить незаметно не удастся. Он снял пиджак, свернул повреждённой стороной внутрь и зажал под мышкой.

На столе оставалась грамота.

Он хотел забрать её. Из-за неё всё началось — так легче было бы потом объяснить хотя бы самому себе. Поддельная история, опасная игра, гордость Селезнёва, неосторожность тех, кто хотел верить.

Но Павел умер не из-за грамоты.

Посетитель это знал.

Он взял только лист с полными именами.

Перед выходом прислушался. Во дворе звякнуло ведро. Кто-то говорил на верхнем этаже о простынях и приближающемся дожде. Обычная жизнь продолжалась так близко, что можно было протянуть руку.

Он отодвинул засов.

У порога вспомнил о ключе Кудинова. Нашёл под пресс-папье и положил обратно. Дверь должна была захлопнуться сама.

Снаружи воздух показался холодным.

Человек прошёл через двор, не ускоряя шага. У ворот мальчик катил обруч. Обруч ударился о камень и упал. Мальчик посмотрел на прохожего.

— Дяденька, подайте.

Посетитель поднял обруч левой рукой.

— Спасибо.

— Не за что.

Он вышел на улицу.

Дождь начался через квартал. Крупные капли легли на рубашку, на волосы, на свёрнутый пиджак. Люди побежали под навесы. Он пошёл медленнее.

Он задержал раскрытую ладонь под дождём, пока вода не потекла по запястью.

У закрытой парикмахерской он остановился перед тёмным стеклом. Отражение вышло чужим: мокрые волосы, расстёгнутый ворот, свёрток под рукой. Человек, который просто не успел укрыться от грозы.

Он развернул пиджак.

Разрыв оказался заметнее, чем в мастерской. На правом рукаве не хватало нескольких нитей, край был испачкан ржавчиной. Выбросить пиджак нельзя. Новая вещь вызовет вопросы дома, старая — вопросы снаружи. Нужно отнести в починку утром и сказать, что зацепился за гвоздь.

Он повторил вслух:

— За гвоздь.

Мимо прошла женщина под газетой. Не посмотрела.

У площади часы показывали без четверти девять. Он сверил их со своими. Его часы отставали на четыре минуты. Раньше это показалось бы мелочью. Теперь он считал даже те минуты, которые прежде бездумно терял.

Он перевёл стрелку.

Он убрал руку от заводной головки и чуть не рассмеялся. Одну запись о времени уже исправили в журнале; теперь он передвинул стрелки собственных часов. Порядка от этого не прибавилось.

За стеклом газетного киоска висела карта новых строек. Толстые линии шли через пустые места, города появлялись раньше домов, будущее было размечено уверенно и крупно. Он долго смотрел на карту. Всё в ней казалось необходимым. Всё требовало людей, денег, молчания, жертв — слова находились легко, пока жертва не лежала на полу знакомой мастерской.

Гром прокатился над крышами.

Он снова завернул пиджак и пошёл дальше. На перекрёстке милиционер поднял руку, останавливая редкие экипажи. Посетитель мог подойти к нему. Мог произнести адрес. Мог ещё сделать так, чтобы дверь мастерской открыли до утра.

Милиционер опустил руку, пропуская пешеходов.

Он перешёл улицу.

Дома он заперся на кухне. Положил лист в раковину, чиркнул спичкой и поднёс огонь к нижнему углу. Бумага загорелась не сразу. Пламя поднялось вдоль фамилий, съело суммы, задержалось на складке.

Четыре рубля исчезли последними.

За стеной скрипнула кровать.

— Ты пришёл? — спросил сонный голос.

Он накрыл раковину ладонями, будто мог спрятать запах гари.

— Да.

— Поздно.

— Спи.

— Всё хорошо?

Он посмотрел на пепел.

— Теперь должно быть.

К утру он найдёт другие слова.

ГЛАВА 1. РЫЦАРЬ БЕЗ МЕЧА

Москва. Понедельник, 25 августа 1930 года.

1. Дверь, которая захлопнулась

Дарья Левицкая увидела мёртвого Павла Селезнёва прежде, чем успела поверить Кудинову.

Пётр Степанович встретил её у ворот. Был без фартука, в рубаше, застёгнутой не на ту пуговицу. Вчерашний дождь вымыл двор. Кудинов же выглядел так, словно не выходил из мастерской всю ночь.

— Он там, — сказал Кудинов.

— Кто?

Мастер посмотрел на неё так, что вопрос стал ненужным.

Дарья вошла в мастерскую.

Лестница лежала на полу под углом к шкафу. Дарья ухватилась взглядом за неё, лишь бы ещё секунду не смотреть на тело. Рядом валялись очки с треснувшей линзой. Закрытый том упирался корешком в руку Селезнёва.

Павел лежал на боку, лицом к стене.

Дарья остановилась у порога.

Вчера утром он спорил с ней о слове «предположительно». Она вычеркнула его из описания грамоты, потому что бумага была старой несомненно. Павел вернул слово и сказал, что несомненный возраст бумаги ничего не сообщает о возрасте текста. Дарья рассердилась. Обещала доказать обратное.

Она почти слышала, как Павел снова произносит своё упрямое «предположительно». Дарья собралась возразить — и почувствовала, что ответа уже никто не ждёт.

— Не подходите, — сказал мужчина у окна.

Она только тогда увидела его. Тёмный костюм, светлая рубашка без галстука, волосы мокрые на висках. Он держал блокнот, но не писал.

— Я уже подошла.

— Поэтому остановитесь.

— Кто вы?

— Воронцов. Уголовный розыск.

— Илья Сергеевич?

Он слегка поднял бровь.

— Мы знакомы?

— Селезнёв говорил о вас.

— Хорошо или точно?

Дарья посмотрела на Павла.

— Это у него редко совпадало.

Воронцов пропустил ответ. Он указал на чистую доску возле двери.

— Встаньте туда. Вы были здесь раньше?

— В пятницу.

— Где находилась лестница?

Дарья медленно обвела комнату взглядом; каждый предмет был проще лица под стеной. Шкаф у дальней стены. Столы. Пресс. Окно во двор. Лестница теперь лежала поперёк прохода, но в пятницу стояла возле антресоли.

— У окна, — сказала Дарья. — Справа от шкафа. Верхом к стене.

— Уверены?

— Я просила Кудинова снять коробку. Он сказал, что ножка шатается, и сам переставил лестницу.

— Куда?

— Туда, где она сейчас лежит. Но поставил, не положил.

Воронцов записал.

— Зачем вы пришли сегодня?

— Павел должен был принести грамоту в музей.

— Какую?

— Которую мы проверяем.

— Очень старую?

— Бумага старая.

— Я спросил о грамоте.

Дарья подняла на него глаза. Воронцов не насмехался; он всё ещё ждал ответа о самом документе.

— Текст может быть моложе, — ответила она.

— Насколько?

— Пока не знаю.

— Это он вас научил?

— Что именно?

— Говорить «пока», когда хочется сказать больше.

Дарья не успела ответить. Из-за ширмы вышел врач. Снял очки, протёр их, надел снова. Жест был таким обычным, что треснувшая оправа на полу вдруг стала невыносима.

— Товарищ Воронцов.

Илья Сергеевич подошёл. Врач говорил тихо, но мастерская была пустой.

— Смерть наступила ночью. Точнее после вскрытия. Повреждение головы не похоже на обычное падение с такой высоты.

— Почему?

— Место удара. И лестница низкая. Упал бы иначе. Я не утверждаю раньше времени, но естественную версию не принимайте как единственную.

Кудинов за спиной Дарьи шумно втянул воздух.

— Его ударили?

Врач посмотрел на Воронцова.

— Я этого не говорил.

— А что вы сказали?

— Что осмотр продолжится.

Кудинов шагнул в мастерскую. Воронцов остановил его ладонью.

— Вы уже всё здесь трогали, Пётр Степанович?

— Ничего.

— Дверь?

— Открыл своим ключом.

— Она была заперта?

— Захлопнута. Замок у меня такой: снаружи без ключа не войдёшь, изнутри выйдёшь.

— Засов?

— Не задвинут.

— Кто мог выйти и оставить дверь закрытой?

Кудинов развёл руками.

— Любой, кто был внутри.

Воронцов записал и посмотрел на Дарью.

— Вы знали, что он работал здесь вчера?

— Знала, что собирался зайти. Не знала, когда.

— С кем?

— Один.

— Это он сказал?

— Да.

— Значит, вы знаете только, что он собирался прийти один.

Дарья хотела возразить. Не стала.

Павел действительно учил её именно этому.

2. След падения

Фотограф пришёл через двадцать минут и сразу потребовал больше света.

Кудинов открыл верхнюю фрамугу. В мастерскую вошёл запах двора и шум ведра под трубой. Воронцов попросил ничего не переставлять. Фотограф ругался на тесноту, потом на лестницу, потом на тех, кто ставит шкафы напротив окна.

Дарья стояла у двери и называла вещи, которые изменились с пятницы.

— На левом столе было больше картона.

— Его могли использовать в субботу, — сказал Кудинов.

— Да.

— Не спорьте сами с собой, — попросил фотограф.

— Она не спорит, — сказал Воронцов. — Она отделяет изменение от причины.

Дарья посмотрела на него. Он уже не казался чужим в мастерской. Это не успокаивало.

— Книга у руки Павла, — продолжила она. — В пятницу стояла на верхней полке. Кудинов прищурился.

— Уверены?

— «История тайных обществ Франции». Вы сами сказали, что корешок рассыпается и её нельзя класть горизонтально.

— Говорил.

Воронцов подошёл к лестнице.

— Значит, он мог полезть за книгой.

— Мог, — сказала Дарья.

— Но?

— Павел читал по-французски. Здесь русский перевод. И вчера он работал не с этой книгой.

— С чем?

Она указала на стол.

Там лежала грамота. Старая бумага на картонной подложке, рядом карандаш, лупа и копия машинописного сообщения. Книга получателей была закрыта, поверх неё лежало завернутое в газету деревянное колесо.

Воронцов не тронул ничего.

— Почему вы сразу не сказали про стол?

— Потому что вы спросили о лестнице.

— Хороший ответ.

— Точный?

— Пока хороший.

Он наклонился над бумагами. Фотограф закончил с телом и перешёл к очкам. Врач попросил Дарью выйти, когда санитары подняли носилки.

Она не вышла.

Павел прошёл мимо неё на высоте чужих рук. Белая простыня закрывала лицо, но из-под края показался рукав знакомого пиджака. На локте была заплатка, которую он собирался заменить с весны.

Кудинов отвернулся.

Дарья смотрела, пока носилки не исчезли за дверью.

— Теперь можно работать, — сказала она.

Воронцов не ответил сразу.

— Вы родственница?

— Нет.

— Близкий человек?

— Нет.

— Тогда почему он попросил вызвать именно вас, если с бумагами что-то случится?

Дарья почувствовала, как холодеют пальцы.

— Кто сказал?

Воронцов вынул из блокнота сложенный листок. На нём рукой Кудинова было записано: «При происшествии с папкой 17/С сообщить Д. Левицкой, Музей Кропоткина».

— Где это было?

— Под стеклом на столе мастера.

Кудинов подошёл ближе.

— Павел оставил в субботу. Сказал: если заедет Дарья Сергеевна, передать. Я думал, речь о бумагах.

— Так и есть, — сказала Дарья.

— Человек мёртв.

— А папка где?

Кудинов обернулся к шкафу.

Нижняя полка была пуста.

Пыль сохраняла прямоугольный след.

Дарья подошла ближе. На полке лежала тонкая полоска синего картона. Она не взяла её, только показала Воронцову.

— Здесь стояла папка. Выцветшая, с тесёмками. Номер семнадцать, буква «С».

— Что внутри?

— Черновики Павла. Сведения о денежных выдачах. Журнал посещений мастерской. Возможно, материалы по грамоте.

— Имена?

— Были.

Кудинов выругался шёпотом.

— В пятницу вы видели папку? — спросил Воронцов.

— Да.

— Вчера?

— Я не открывал шкаф, — сказал мастер. — Павел спросил, на месте ли она. Я сказал, что на месте.

— Видели своими глазами?

Кудинов замолчал.

— Днём видел. Перед его приходом — нет.

Воронцов записал.

Дарья посмотрела на шкаф. Между боковой стенкой и стеной помещения оставалась щель в два пальца, забитая пылью и обрезками. Шкаф стоял чуть неровно.

— Его двигали?

Кудинов подошёл.

— Нет.

— Смотрите на ножку.

На полу тянулась свежая дуга. Тяжёлая мебель сместилась совсем немного.

— Лестница ударила, — сказал Кудинов. — Видно же.

— Возможно, — ответила Дарья.

Она опустилась на колени, но Воронцов удержал её за плечо.

— Не лезьте.

— Там может быть папка.

— Щель слишком узкая.

— Папка тонкая.

— А ваша рука оставит всё, что мы потом будем считать следами.

Он позвал фотографа. Тот лёг на пол, посветил карманным фонарём и недовольно сообщил, что видит только штукатурку, щепки и старую бечёвку.

— Папки нет, — сказал он.

Дарья встала.

За шкафом было темнее, чем показал фонарь.

Но спорить с темнотой она не стала.

3. Двадцать девять минут

Кудинова допрашивали за его же рабочим столом.

Он отказался сесть на место Селезнёва и притащил табурет от окна. Дарья осталась по просьбе Воронцова: мастер путал даты заказов, но хорошо помнил, кто где стоял.

— Вчера он пришёл около семи, — сказал Кудинов.

— Точно?

— Часы били. Может, без пяти.

— Был один?

— Во двор вошёл один.

— Кто-нибудь шёл следом?

— Он спросил то же самое.

Воронцов поднял взгляд.

— За ним следили?

— Сказал: возможно. У него это значило, что доказательств нет, но настроение испорчено.

Дарья почти услышала голос Павла.

— Вы ушли сразу?

— Через несколько минут. Он выторговал двадцать девять.

— Почему двадцать девять?

— Я предложил полчаса. Потом торговались.

— Шутил?

— Он всегда шутил, когда тревожился.

— Почему вы решили, что тревожился?

Кудинов посмотрел на пустую полку.

— Не дал мне остаться.

Воронцов отметил время ухода. Затем спросил о ключах.

У Кудинова было два. Один у него, второй у помощника Фёдора. Дверь захлопывалась сама. Выйти можно было без ключа. Через окно взрослый не пролез бы незаметно: оно выходило во двор второго света и открывалось только сверху.

— Фёдор где?

— Послал за ним мальчишку.

— Полное имя?

— Фёдор Корнеев. Не перепутайте с тем Рожковым из музейных бумаг. Этот мой переплётчик и в рыцарей не верит даже на картинках.

Дарья запомнила уточнение. Павел жаловался, что одинаковые имена портят лучшие системы учёта.

— Что делал Селезнёв в мастерской? — спросил Воронцов.

Кудинов кивнул на грамоту.

— Проверял лист. Здесь можно дать боковой свет, стол длинный. И бумагу не надо таскать каждый день.

— Почему она была у вас, а не в музее?

— Потому что у нас крыша не течёт.

Он сказал и посмотрел вверх, будто опасался наказания за хвастовство.

— Пока не течёт, — добавил.

Воронцов спросил о людях, имевших доступ к мастерской. Кудинов называл заказчиков, жильцов, работников. Половина Москвы приносила ему книги; другая половина обещала принести, когда будут деньги.

— Из круга Селезнёва кто приходил?

— Краев. Ракитин. Вера Гринёва пару раз. Нина Рубинштейн с бумагой. Дарья Сергеевна. Ещё молодая, Катя, за отцом заходила.

— Кто из них был здесь недавно?

Кудинов потёр лоб.

— В пятницу Ракитин. Или в среду.

— В пятницу была я, — сказала Дарья. — Ракитин приходил в среду, двадцатого.

— Точно. Они с Павлом спорили.

— О чём?

— Не слышал. Я у двери принимал картон. Голоса повысили, потом затихли.

— Сколько он пробыл?

— Записано в журнале.

Дарья и Воронцов одновременно посмотрели на пустую полку.

— Было записано, — поправил Кудинов.

Воронцов не спросил, что означает исчезновение журнала. Он перешёл к лестнице.

— Селезнёв мог сам её передвинуть?

— Мог. Только обещал не трогать.

— Он часто нарушал обещания?

— Без удовольствия.

— На какую полку ему понадобилось бы лезть?

Кудинов встал и показал верхний ряд. Там стояли книги, ожидавшие ремонта. Все были покрыты ровной пылью, кроме места, откуда взяли французскую историю.

— Книга действительно сверху, — сказал Воронцов.

Дарья подняла взгляд.

— Но Павел работал без очков только вблизи. Чтобы прочитать корешок наверху, ему пришлось бы сначала снять очки или поднести книгу к лицу. Они разбились на полу в стороне.

— Мог уронить при падении.

— Мог.

Воронцов подошёл к ступенькам. На третьей лежала пыль. На четвёртой тоже. Следов подошвы не было.

Он ничего не сказал, только показал Дарье.

Кудинов увидел.

— Его не было на лестнице.

— Пока мы знаем, что на пыльных ступенях нет ясного следа, — сказал Воронцов.

— Вы с Павлом сговорились?

— Мы даже не познакомились.

В дверях появился юноша в кепке. Тяжело дышал.

— Фёдор пришёл.

Помощник Кудинова оказался старше, чем ожидала Дарья, — лет двадцати пяти, с сухими руками и белым шрамом на подбородке. Он увидел пустое место у стены и снял кепку.

— Правда?

Кудинов кивнул.

Фёдор сел на ящик.

Воронцов дал ему минуту, затем спросил про второй ключ.

— Дома был.

— Где сейчас?

Фёдор полез в карман и положил ключ на стол.

— Кто мог взять?

— Никто. Мать, сестра. Только зачем им?

— Вчера вы приходили?

— Утром. Забрал два заказа. Папку не трогал.

— Видели её?

Фёдор задумался.

— Синюю? Видел. На нижней полке.

— Во сколько?

— Часов в десять.

— Селезнёв был?

— Нет.

— Кто-нибудь спрашивал о нём?

Фёдор провёл ладонью по лицу.

— Мужчина у ворот. Я выходил с коробками. Спросил, работает ли Павел Андреевич по воскресеньям.

В мастерской стало тихо.

— Как выглядел?

— Обыкновенно.

— Рост?

— Выше меня. Или на ступеньке стоял.

— Возраст?

— Не старик.

— Одежда?

— Пиджак. Шляпа, кажется.

— Голос?

— Московский.

Воронцов закрыл блокнот.

— Вы описали половину города.

Фёдор сжал кепку.

— Я не знал, что надо запомнить.

— Поэтому я не ругаю. Я проверяю, не придумали ли вы лицо после того, как увидели тело.

— Не придумал.

— Хорошо. Тогда вспомните вопрос дословно.

Фёдор долго молчал.

— Он спросил: «Исследователь сегодня будет?» Не фамилию. Именно так.

Дарья посмотрела на Воронцова.

Человек знал, чем Павел занимался, но не хотел произносить имя у ворот.

4. Человек, который не падал

В морг Дарья поехала по собственной воле и пожалела об этом у первой двери.

Воронцов предупредил, что придётся рассматривать повреждения. Дарья ответила слишком быстро: «Смогу». Потом застегнула верхнюю пуговицу пальто, хотя в комнате было душно.

Врач по фамилии Сафонов развернул схему головы и прижал угол металлическим зажимом.

— Один удар, — сказал он. — Вероятно, предметом с ограниченной ударной поверхностью. Не острым. Тяжёлым.

— Мог удариться о край ступени? — спросил Воронцов.

— Тогда я ожидал бы другую форму и дополнительные повреждения. На ладони есть ссадина — пытался опереться при падении. На колене тоже. Но головой о пол после этого он не ударился достаточно сильно.

Дарья смотрела на схему.

— Его ударили стоящим?

Сафонов повернул лист.

— Скорее всего. Возможно, когда он наклонился или поворачивался. Нападавший находился сбоку. Точнее не обещаю.

— Правша?

— Не начинайте выбирать убийцу по руке. Положение людей меняется.

Воронцов кивнул, будто получил ожидаемый ответ.

— Время?

— Между восемью и десятью вечера. Жара мешает точности. Ужинал незадолго до смерти. Алкоголя по первому осмотру не вижу.

— Мог говорить после удара?

Врач посмотрел на Дарью.

— Несколько секунд или минут. Мог слышать. Мог двигаться. Помощь всё равно была необходима немедленно.

Дарья представила открытую дверь мастерской. Человек дошёл бы до ворот за полминуты. Кудинов жил в соседнем доме. В верхних квартирах были люди.

— Его оставили, — сказала она.

— Это уже не медицина, — ответил Сафонов.

— Но это следует из времени.

— Из времени следует, что он умер не сразу. Что делал другой человек, устанавливайте сами.

Сафонов показал ещё одну вещь: на левой ладони Селезнёва было бурое пятно, похожее на кровь, смешанную с графитом. Между пальцами — волокна дешёвой газетной бумаги.

— Он держал лист? — спросила Дарья.

— Или упал на него. Волокна снимем. Пятно отправим на исследование.

— На столе была машинописная копия.

— Значит, сравните бумагу.

Воронцов записал.

Сафонов накрыл тело. Дарья увидела край старой заплаты на локте и вспомнила, как Павел отказывался менять пиджак: новый, говорил он, заставит людей ждать от него новых мыслей.

У двери она остановилась.

— Можно спросить не для протокола?

— Можно. Ответ всё равно будет для него.

— Он мучился?

Сафонов снял очки.

— Недолго.

Это не было утешением. Но врач не пытался сделать из ответа больше, чем знал.

На улице Воронцов закурил и сразу погасил папиросу.

— Вы теперь уверены, что это убийство?

— Я уверен, что его ударили, а помощь не позвали. Для начала достаточно.

— А лестница?

— Человек, который её поставил, хотел дать нам быстрый ответ.

— Почему вы ему не верите?

— Потому что быстрые ответы редко требуют переносить тяжёлые книги.

Он пошёл к трамваю. Дарья догнала.

— Вы сказали «человек, который поставил». Не «убийца».

— Это может быть один человек. Может быть два.

— Вы действительно рассматриваете сообщника?

— Я рассматриваю порядок действий. Сначала удар. Потом лестница, книга, очки. Кто именно делал каждое — выясним.

Дарья подумала о папке, исчезнувшей между воскресным утром и смертью.

— Порядок можно восстановить.

— Если вещи не станут рассказывать то, что нам хочется услышать.

Трамвай подошёл переполненный. Они вошли через разные двери и до мастерской ехали молча, разделённые людьми.

5. Вещи Павла

После полудня Воронцов разрешил Дарье разобрать бумаги на столе. Только в его присутствии и не меняя порядка.

Она начала с грамоты. Перенесла подложку к окну, не касаясь листа руками. Бумага была плотной, с выраженными линиями формы. В углу едва проступал водяной знак. Текст шёл коричневыми чернилами, слишком ровно для документа, пережившего путешествия, революции и десятки владельцев.

— Это та самая древность? — спросил Воронцов.

— Та самая бумага.

— Вы опять разделяете.

— Иначе нас обманут.

— Кто?

— Иногда никто. Люди часто обманываются без помощи.

На обороте под углом виднелось стёртое место. Дарья не стала его рассматривать без Нины.

Рядом лежала копия сообщения. Воронцов прочитал её молча. Когда дошёл до строки о Марии Лунёвой, перестал листать.

— Вы её знаете?

— Видела дважды. Муж арестован в прошлом году. Она шьёт на дому, сын болеет.

— Четыре рубля получила от вашего ордена?

— Не от моего.

— От какого?

— Люди называют круг по-разному. «Орден Света» — одно из названий.

— Вы состоите?

— Нет.

— Селезнёв?

Дарья взяла карандаш, но вспомнила, что писать нельзя, и положила обратно.

— Он участвовал в чтениях. Проверял материалы. Спорил со всеми. Если это членство, тогда состоял.

— А если нет?

— Тогда нет.

— Удобная организация.

— Не организация. Круг знакомых, лекции, обсуждения, помощь семьям.

— И рыцарские степени?

— Некоторые любят обряды.

— Вы не любите?

— Я люблю описи.

— Обряды с номерами.

Дарья подняла на него глаза.

— Вы пытаетесь меня рассмешить?

— Проверяю, способны ли вы замечать что-нибудь кроме бумаг.

Она посмотрела на завёрнутое колесо.

Газета была подписана рукой Павла: «Мише. Не проверено на дороге».

Дарья развернула. Новая деревянная ось сидела криво, на ободке виднелась буква «М».

— Он чинил это вчера, — сказала она.

Кудинов подошёл.

— Сам?

— Похоже.

Мастер попробовал колесо пальцем. Оно повернулось, заедая.

— Плохо сделал.

Голос у него сломался.

Он забрал колесо, нашёл наждак и молча выровнял ось. Воронцов не остановил. Фотограф уже снял предмет, а работа заняла меньше минуты.

— Теперь поедет, — сказал Кудинов.

Дарья снова завернула колесо.

— Я отнесу Марии.

— Сегодня? — спросил Воронцов.

— Мальчик ждёт.

— А мать ещё не знает, что человек, который должен был принести игрушку, умер.

Дарья замерла.

— Вы хотите сообщить сами?

— Нет. Хочу, чтобы вы не пришли к ней с колесом прежде новости.

Она положила свёрток на стол.

Это было первое действие за день, которое не исправлялось точностью.

Они продолжили опись.

В карманах пиджака Селезнёва нашли карандаш, два трамвайных билета, связку домашних ключей и маленький кусок синего картона. Деньги оставались на месте. Часы не пропали. Портфель стоял у стола, внутри лежали обычные выписки.

— Если убийца искал ценность, он выбрал бумагу, — сказал Воронцов.

— Папку.

— Или один лист из неё.

— Тогда зачем уносить всё?

— Чтобы мы не знали, какой.

Дарья посмотрела на полосу пыли на нижней полке.

— Павел оставил мне номер папки. Он боялся именно за неё.

— Или хотел, чтобы вы так подумали.

— Зачем?

— Не знаю. Мёртвые свидетели неудобны тем, что им хочется доверять.

Она резко закрыла портфель.

— Павел не устраивал представлений.

— Лестница утверждает обратное.

Дарья поняла, что злится не на Воронцова. На человека, который поставил книгу возле руки, на разбитые очки, на собственное желание объяснить Павла лучше, чем позволяли факты.

— Хорошо, — сказала она. — Не доверяйте. Но проверьте, кто знал номер папки.

— Уже проверяю.

— С чего начнёте?

— С вас.

6. Не средневековые рыцари

В отделении пахло табаком, мокрой одеждой и бумагой, которая никому не принадлежала лично.

Дарья сидела напротив Воронцова и третий раз перечисляла людей, видевших папку 17/С. Краев. Нина. Вера. Ракитин. Кудинов. Возможно, Соня, если переносила каталоги. Тарханов знал о проверке грамоты, но номер папки при нём не называли.

— Кто из них боялся Селезнёва? — спросил Воронцов.

— Сейчас все будут выглядеть так, будто боялись.

— Это не ответ.

— Тарханов боялся разоблачения. Вера — что Павел высмеет её рисунки. Ракитин — что тот разрушит весь круг из-за одной поддельной бумаги. Краев всякий раз обрывал разговор, когда речь заходила о списках. Нина ничего не боялась, пока ей не давали плохую лупу.

— А вы?

— Что он окажется прав.

— В чём?

Дарья посмотрела на окно. Дождь высох, но на стекле остались грязные дорожки.

— Что мы слишком легко называем источником всё, что подтверждает желаемое.

— Из-за этого убивают?

— Из-за этого иногда дают людям повод убивать.

Воронцов отложил карандаш.

— Где вы были вчера с семи до десяти?

— Дома.

— Кто подтвердит?

— Соседка видела, как я принесла воду. Потом никто.

— Выходили?

— Нет.

— Почему Селезнёв не позвал вас в мастерскую, если нашёл важное?

— Возможно, собирался утром.

— А возможно?

— Не доверял.

Слова оказались тяжелее, чем ожидала Дарья.

Воронцов заметил.

— У вас был конфликт?

— Спор.

— О грамоте?

— О человеке. Я сказала, что происхождение документа важнее намерений тех, кто им пользуется. Павел спросил, готова ли я назвать имена людей в книге получателей, если это потребуется для доказательства подлога.

— Что вы ответили?

— Что архивист не имеет права скрывать часть источника.

— А он?

— Что архивист сначала обязан понять, кому отдаёт источник.

— Вы поссорились?

— Да.

— Почему не сказали в мастерской?

— Вы не спросили.

Воронцов вздохнул.

— Не делайте из точности способ молчать, Дарья Сергеевна.

В дверь постучали. Дежурный положил на стол конверт.

— Принесли для вас. Оставили внизу.

— Кто?

— Девчонка лет двенадцати. Сказала, мужчина дал у трамвайной остановки две копейки.

На конверте было написано: «Следователю по делу Селезнёва».

Воронцов не открыл сразу. Осмотрел края, понюхал бумагу, затем поддел клапан ножом.

Внутри лежал один лист, сложенный вчетверо.

Печатных букв было немного:

«ИЩИТЕ НЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЫЦАРЕЙ.

ИЩИТЕ ЖИВЫХ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ ОТ ИХ ИМЕНИ.

ПАПКА БЫЛА НУЖНА НЕ ИЗ-ЗА ГРАМОТЫ».

Ни подписи, ни обращения.

Дарья прочитала дважды.

— Автор знает о папке.

— Или слышал разговоры после обнаружения тела.

— О грамоте ещё не сообщали.

— Вы называли её при Кудинове, Фёдоре, фотографе, враче и двух санитарях.

— Но записка уже была передана девочке.

Воронцов посмотрел на часы.

— Если она говорит правду.

Он положил лист рядом с конвертом.

Бумага была дешёвой, сероватой. Буквы выведены карандашом, нажим менялся. Слово «средневековых» не поместилось в строку и было продолжено ниже без переноса. На правом краю остался тонкий след синего пигмента.

— Краска? — спросил Воронцов.

Дарья наклонилась.

— Может быть пастель. Может быть копировальная бумага.

— У кого из ваших рыцарей есть пастель?

— У Веры. Она художница.

— У кого есть копировальная бумага?

— У всех, кто печатает.

— Значит, записка ничего не даёт?

— Даёт. Автор хотел отделить грамоту от папки.

— Как вы.

— Как Павел.

Воронцов сложил лист обратно.

— Или как убийца, которому выгодно направить нас в круг.

— Тогда он слишком хорошо знает наши споры.

— Убийцы иногда знакомы с жертвами.

Он сказал это без нажима, и оттого фраза прозвучала хуже угрозы.

7. Девочка у остановки

Девочку нашли там же, где ей отдали конверт.

Она торговала папиросами поштучно у трамвайного кольца и сначала утверждала, что ничего не помнит. Воронцов купил одну, не торгуясь. Девочка спрятала монету и сказала, что курить вредно.

— Мне уже поздно воспитываться, — ответил он. — А тебе рано забывать людей.

— Их много.

— Этот дал две копейки.

— Тогда помню.

Дарья стояла чуть в стороне. Девочка поглядывала на неё чаще, чем на следователя.

— Мужчина? — спросил Воронцов.

— Наверное.

— Почему наверное?

— Пальто длинное, шляпа. Я не разглядывала.

— Голос?

— Тихий.

— Мужской?

Девочка наморщила лоб.

— Сказал только: «Отнеси дежурному». Может, мужской. Может, простуженный.

— Лицо?

— Отвернулся к трамваю.

— Руки?

Она оживилась.

— Синие.

Воронцов не изменился в лице.

— Обе?

— На пальцах. Будто мел держал. Или краску.

— Перчатки?

— Нет.

— Какая рука дала конверт?

Девочка протянула правую, потом левую.

— Не знаю.

Дарья показала лист бумаги из своей записной книжки.

— Конверт был такой?

— Серее. И край рваный.

— Пах чем-нибудь?

— Бумагой.

— Хорошо подумай.

Девочка посмотрела на неё с жалостью.

— У вас бумага вся пахнет по-разному?

— Да.

— Тогда вы и нюхайте.

Воронцов отвернулся, скрывая улыбку.

Дарья дала девочке колесо от папиросной коробки, которое та просила придержать, и спросила, куда ушёл человек.

— Сел в трамвай?

— Нет. Перешёл дорогу и вошёл в музейный переулок.

— В сторону Музея Кропоткина?

— Там ещё прачечная, столовая и три двора. Не знаю, куда.

Этого было достаточно, чтобы направление стало подозрительным, и недостаточно, чтобы стало уликой.

Когда они отошли, Воронцов сказал:

— Если автор хотел выдать Веру, сделал это старательно.

— Синий пигмент и музейный переулок.

— Слишком удобно.

— Или она не думала, что девочка запомнит руки.

— Вы уже защищаете художницу?

— Я её ещё не видела после смерти Павла.

— Но знаете.

— Знаю, что она работает пастелью. И что ходит в длинном сером пальто.

— Шляпа?

— Иногда мужская. Ей нравится форма полей.

Воронцов посмотрел назад. Девочка уже продавала следующую папиросу и не обращала на них внимания.

— Значит, завтра спросим прямо.

— Если она написала записку, соврёт.

— Не обязательно. Люди часто признают безопасную часть, чтобы скрыть опасную.

— Какая часть безопасна?

— Рисунок. Пока.

Дарья подумала о трёх белых лепестках на куске картона.

— А опасная?

— Папка.

8. Колесо

Марии Лунёвой сообщили вечером.

Дарья пошла не одна. Воронцов остался во дворе, объяснив, что женщина скорее задаст вопросы знакомому лицу. Дарья не сказала, что они виделись всего два раза.

Миша открыл дверь сам.

— Вы колесо принесли?

В руках у Дарьи был свёрток. Она пожалела, что не оставила его в мастерской.

— Принесла.

— Починили?

— Да.

Мария появилась из комнаты. Тонкая, с иглой, воткнутой в ворот кофты. Увидела Дарью, потом человека во дворе.

— Что случилось?

Миша уже разворачивал газету.

Дарья сказала прямо. Павел Селезнёв умер. Его нашли утром. Причина пока выясняется.

Мария не переспросила. Села на край стула, будто слова ударили по ногам.

— Вчера?

— Ночью.

— Он приходил к нам в четверг.

— Зачем?

— Проверял деньги.

Миша поднял колесо.

— Оно кривое.

Дарья посмотрела. Колесо действительно чуть качалось на новой оси.

— Мастер поправил.

— Тогда почему кривое?

— Потому что начал Павел Андреевич.

Миша провёл пальцем по дереву. Прочитал надпись на газете.

— Он написал?

— Да.

Миша прижал колесо к груди и ушёл в угол. Там он осторожно повернул его пальцем. Дерево тихо скрипнуло. Дарья отвернулась к Марии и не стала звать мальчика обратно.

Мария сняла иглу с воротника.

— Он говорил, что кто-то спрашивал обо мне.

— Кто?

— Не назвал. Спросил, показывала ли я кому-нибудь квитанцию и говорила ли полное имя. Я рассердилась. Сказала, что у меня одно имя, не два.

— Кто ещё знал о четырёх рублях?

— Женщина, которая принесла. Потом Павел. Может, в книге записано.

— Какая женщина?

— Художница. Вера.

Дарья почувствовала, как рука сама потянулась к сумке за записной книжкой. Остановила.

— Вы уверены?

— Она приходила не однажды. Приносила деньги, лекарства, однажды бумагу для Миши. Сказала, что имена лучше не писать полностью.

— Почему?

— Потому что помощь иногда считают доказательством.

Те же слова могли принадлежать Павлу, Вере, Краеву или человеку из записки.

— Вчера кто-нибудь приходил?

— Нет.

Миша из угла сказал:

— Приходил.

Мария повернулась.

— Кто?

— Мужчина у ворот. Ты меня послала за водой. Он спросил, здесь ли Лунёвы.

— Почему не сказал?

— Ты шила.

Дарья присела перед мальчиком.

— Как он выглядел?

— Мокрый.

— Дождь начался поздно.

— Он был не от дождя. Лицо мокрое.

— Что ещё?

Миша пожал плечами.

— Рукав держал так.

Он прижал правую руку к боку.

— Болит?

— Не знаю. Он спросил адрес и ушёл.

В дверях появился Воронцов.

— Какой рукав?

Миша посмотрел на Дарью. Она кивнула.

— Правый.

— Пиджак какого цвета?

— Тёмный.

— Лицо запомнил?

— Если увижу.

Мария встала.

— Вы не будете таскать его для опознаний.

— Пока некого опознавать, — сказал Воронцов. — И без вашего согласия мальчика не позовут.

— А с моим?

— Только если это станет необходимо.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Павел тоже говорил, что необходимо.

— И что сделал?

Мария указала на колесо.

— Сначала проверил деньги. Потом починил игрушку. Я не знаю, что из этого было необходимее.

Воронцов не ответил.

На улице Дарья сказала:

— Вы слышали про рукав.

— Слышал.

— Фёдор видел человека в пиджаке. Миша — мужчину с правой рукой у бока. В мастерской на прессе могли остаться нитки.

— Могли. Фотограф снял выступ. Возьмём образец.

— Значит, вы тоже заметили.

— Заметил врач. Я умею слушать людей, которые знают свою работу.

Они дошли до ворот. Воронцов остановился.

— Завтра пойдём в музей.

— Зачем?

— Искать живых рыцарей.

— Вы верите записке?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что её автор верит, что мы должны туда пойти.

9. Рыцарь

Уже стемнело, когда Дарья вернулась в мастерскую за своей папкой.

Кудинов сидел у входа. Работу не возобновил. На столах всё оставалось под белыми полотнищами, которыми Воронцов велел накрыть следы после осмотра.

— Закрываю, — сказал мастер.

— Я быстро.

Дарья нашла папку на подоконнике. Рядом лежал кусок картона, поднятый возле тела. Днём она приняла его за обрывок синей обложки. Теперь при боковом свете увидела линию.

— Пётр Степанович, это фотографировали?

— Всё фотографировали.

— Позовите Воронцова.

— Он ушёл час назад.

Дарья не тронула картон. Наклонила лампу.

На серой поверхности проступал рисунок: нижний край длинного плаща, часть сапога, обломок копья. Чёрные линии были поверх синей пастели. У самого края виднелись три лепестка белой розы, обозначенные незакрашенным картоном.

— Это не папка, — сказала она.

Кудинов подошёл.

— Картинка.

— Чья?

Дарья знала.

Вера Гринёва рисовала рыцарей без мечей. Говорила, что оружие слишком легко превращает внутреннюю борьбу в красивую драку. На её рисунках люди держали книги, фонари, иногда пустые руки. Белая роза появлялась почти везде.

Дарья выпрямилась.

— Где нашли?

— Под плечом Павла.

— Почему днём не рассмотрели?

— Потому что вы смотрели на синюю папку. И я тоже.

В дверь постучали.

Кудинов вздрогнул.

Дарья отступила от стола.

Стук повторился — два коротких удара.

Мастер взял с подоконника тяжёлую гладилку.

— Кто?

— Воронцов.

Кудинов выдохнул и открыл.

Илья Сергеевич вошёл без шляпы, увидел их лица и сразу посмотрел на стол.

— Что нашли?

Дарья показала рисунок.

Воронцов не стал спрашивать, кто автор. Он достал конверт с анонимной запиской, положил рядом и совместил края.

Бумага была разной.

Пигмент — одинаковым.

На записке тонкая синяя полоса шла там, где лист лежал поверх рисунка.

Воронцов достал две чистые обёртки. Рисунок положил в одну, записку — в другую.

— Не вместе, — сказала Дарья.

— Почему?

— Если пигмент перейдёт сейчас, завтра мы не отличим старый след от нашего.

Он остановился и поменял порядок: сначала закрепил рисунок между двумя листами, затем завернул записку отдельно.

— Спасибо.

— Вы не обязаны благодарить.

— Я и не обязан. Поэтому благодарю.

Кудинов запер шкаф, хотя нижняя полка была пуста. Проверил дверь в кладовую и окна. Затем пересчитал ключи на связке.

— Одного не хватает, — сказал он.

Воронцов обернулся.

— Какого?

Мастер пересчитал снова.

— Нет. Все. Просто руки дрожат.

Дарья наблюдала, как крупные пальцы Кудинова путаются в связке и металл звенит о металл. Она взяла связку и назвала ключи по одному. Входной. Кладовая. Верхний шкаф. Нижний. Маленький от ящика с заказами.

— Пять, — сказала она.

— Должно быть пять.

— Значит, все.

Кудинов кивнул, но связку забрал не сразу.

На улице темнело. В окнах напротив зажигались лампы. Воронцов попросил мастера ночевать не в мастерской, а дома, и предупредил постового у ворот.

— Думаете, вернутся? — спросил Кудинов.

— Думаю, человек уже ошибся один раз. Иногда за ошибкой возвращаются.

Дарья вышла последней. У арки остановилась и посмотрела на окно мастерской. За стеклом отражался двор, поэтому столов почти не было видно.

На втором этаже шевельнулась занавеска.

— Кто там живёт? — спросила она.

Кудинов поднял голову.

— Комната пустует. Жильца выселили весной.

Воронцов вошёл обратно во двор, поднялся по наружной лестнице и через минуту появился у окна. Комната действительно была пустой. На подоконнике лежала пыль. В ней — свежая дуга, будто кто-то недавно поставил локоть.

Следователь осмотрел пол, дверь, лестницу. Ничего не нашёл.

— Наблюдали? — спросила Дарья, когда он спустился.

— Или проверяли, закрыта ли рама.

— Пустая комната напротив места убийства.

— В Москве пустая комната сама по себе уже подозрительна.
Он сказал это сухо, но постовому велел запомнить окно.
— Теперь у нас есть художник, — сказал Кудинов.
— У нас есть мастерская художника, — поправила Дарья. — Это не одно и то же.
Воронцов посмотрел на рыцаря без меча.
— Завтра узнаем, почему его принесли к мёртвому.
За окном ведро приняло очередную каплю.
На рисунке у рыцаря не было лица.
Зато кто-то очень старательно оставил ему направление для взгляда.

ГЛАВА 2. ОРДЕН СВЕТА

Москва. Вторник, 26 августа 1930 года.

1. Дом с открытыми дверями

Музей Кропоткина открывался в десять, но в половине девятого внутри уже спорили.
Дарья услышала голоса с лестницы. Один принадлежал Михаилу Борисовичу Краеву, другой — Соне, которая отвечала за карточки, посетителей и всё, что переставало работать перед важным днём.

— Я не могу выдать то, чего нет на месте, — говорила она.
— Именно поэтому сначала надо установить, где место, — отвечал Краев.
— Место в каталоге.
— В каталоге у нас живёт идеальный музей. Я спрашиваю про настоящий.
Дарья вошла.

На полу стояли три ящика с книгами. На столе лежала опись. Соня держала карточку, Краев — ключ, и оба смотрели друг на друга как люди, которым мешает одно и то же, но виноват почему-то собеседник.

— У нас уголовный розыск, — сказала Дарья.
Соня опустила карточку.
Краев посмотрел на Воронцова, затем на Дарью.
— Павел?

Новость дошла раньше них, но подробностей не было. Воронцов представился и сообщил только необходимое: Селезнёв найден мёртвым, обстоятельства требуют проверки, часть его рабочих материалов исчезла.

Краев снял очки. Он делал это, когда хотел выиграть время и не показывать, что времени ему не хватает.

— Убит?
— Мы расследуем насильственную смерть.
— Это другое слово для того же.
— Это слово для того, что уже установлено.

Краев посмотрел на Дарью.

— Ты видела?

Она кивнула.

Соня села на край стула. Ей было двадцать два, но сейчас она выглядела младше. Карточка дрожала в руке.

— Вчера он должен был забрать книгу.

— Какую? — спросил Воронцов.

Краев ответил раньше:

— Никакую. Мы не выдаём музейные книги без записи.

— Я не сказала, что музейную, — возразила Соня.

— Тогда какую?

Она посмотрела на Дарью.

— Книгу получателей.

Краев медленно надел очки.

— Откуда ты знаешь?

— Павел спрашивал в субботу, на месте ли она.

— И что ты ответила?

— Что на месте.

— Ты видела?

Соня обернулась к шкафу у внутренней стены.

— В субботу — да.

Воронцов не двинулся, но Дарья поняла: второй день начинается с того же вопроса.

Кто видел вещь последним.

Краев подошёл к шкафу. Достал связку, выбрал короткий ключ, приподнял дверцу и повернул. Замок щёлкнул.

На средней полке лежала толстая тетрадь в сером переплёте.

— Вот она, — сказал Краев.

Соня выдохнула.

Воронцов попросил не трогать тетрадь.

— Почему? — спросил Краев.

— Потому что сегодня мне слишком часто показывают вещи, которые «вот они».

Он осмотрел шкаф, замок, полки и только после этого разрешил Дарье взять книгу. Она раскрыла на августе.

Запись «М. Л. — 4 р.» оставалась на месте.

— Полного имени нет, — сказал Воронцов.

— Я говорила.

— Кто знает, что это Мария Лунёва?

Краев перечислил: Вера, потому что относилась деньги; Селезнёв, потому что проверял выдачу; сам Краев; человек, принявший решение о помощи. Последнего он назвать отказался.

— Это не тайное общество, — сказал он. — Но люди имеют право помогать, не превращая помощь в ведомость для посторонних.

— Умер человек, — ответил Воронцов. — Папка с именами исчезла. Право на молчание не отменяет вопроса.

— А вопрос не отменяет последствий ответа.

Они стояли по разные стороны открытого шкафа. Дарья видела обоих и понимала, что каждый говорит не о книге.

— Сначала рисунок, — сказала она.

Краев перевёл взгляд.

— Какой рисунок?

— Рыцарь без меча. Белая роза.

Соня посмотрела в сторону коридора.

— Вера в мастерской.

— Художественной? — спросил Воронцов.

— Другой у нас нет.

— После вчерашнего слово стало двусмысленным.

Никто не улыбнулся.

2. Белая постель

Вера Гринёва рисовала стоя.

Лист крепился к доске кнопками. Тёмная фигура держала фонарь перед закрытой дверью. Вместо краски на месте светлого пятна оставался нетронутый картон. Вера растирала синюю постель мизинцем.

Пальцы были синими.

Дарья остановилась у порога. Воронцов — на шаг позади.

Вера не обернулась.

— Если вы пришли спросить, где я была вчера, подождите, пока линия не закончится.

— Кто сказал, что мы спросим? — ответил Воронцов.

— Соня прошла мимо двери и три раза посмотрела внутрь. Значит, пришёл либо следователь, либо пожарный. Дыма нет.

Она провела последнюю линию, отступила, вытерла пальцы о тряпку и только тогда повернулась.

У неё было узкое лицо, коротко остриженные волосы и мужская серая шляпа на подоконнике.

Дарья увидела все приметы девочки сразу.

Это ничего не доказывало.

— Павел Селезнёв умер, — сказала она.

Вера перестала вытирать руки.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Где?

— У Кудинова.

— Он был один?

Воронцов спросил:

— Почему это первое, что вас интересует?

— Потому что мёртвым редко удаётся поспорить без помощи живых.

Она села, но промахнулась мимо края табурета и ухватилась за стол. Синяя пастель сломалась под ладонью.

— Его убили?

— Да, — сказала Дарья.

Воронцов посмотрел на неё, однако не поправил.

Вера подняла обломок пастели.

— Он говорил, что закончит проверку к понедельнику.

— Какую?

— Грамоты. Текст о русской ветви.

— Вы видели этот документ?

— Все видели. Не все читали.

Дарья вынула обёртку с рисунком и положила на свободный стол. Вера не потянулась к ней.

— Ваш?

— Мой.

— Уверены быстро.

— Я помню собственные ошибки. У этого рыцаря слишком длинная правая нога.

— Где был лист?

Вера подошла ближе. Посмотрела на рваные края.

— В альбоме. Серия для чтений.

— Когда пропал?

— Не знаю.

— Кому давали?

— Павлу. Краеву. Ракитину. Катя брала посмотреть. Соня переносила в зал.

— Почему рыцарь без оружия?

Вера взяла другой рисунок. На нём женщина держала белую розу перед зеркалом.

— Потому что это не иллюстрация к битве. Мы говорили о человеке, который остаётся без внешнего приказа и должен решить сам.

— Средневековый символ?

— Нет.

Ответ прозвучал резко.

— Белую розу придумала я. Рыцаря без меча тоже. Не ищите их на печатях тамплиеров. Дарья запомнила точность формулировки.

— Тогда почему люди считают рисунки орденовыми?

— Потому что им нравится старое происхождение. Оно избавляет от ответственности за новое.

Воронцов осмотрел комнату. Серые листы, уголь, постель, банки с водой. На полке — стопка конвертов, оторванных от большого блока бумаги.

— Вы писали мне?

Вера посмотрела прямо.

— Нет.

— Анонимную записку следователю.

— Нет.

— Бумага похожа на вашу. На краю синий пигмент.

— В музее десятки таких листов. И синий пигмент есть у всех, кто трогает мои работы.

— Вчера ваши пальцы тоже были синими?

— Почти всегда.

— Где вы были между семью и десятью?

— Здесь до половины восьмого. Потом пошла домой.

— Кто видел?

— Соня видела, как я уходила. На улице — не знаю.

— Как шли?

— Пешком до бульвара, потом трамваем.

— В длинном пальто?

— Был дождь.

— В этой шляпе?

Вера посмотрела на подоконник.

— В этой.

— Вы давали девочке конверт у остановки сегодня утром?

— Нет.

— Просили кого-нибудь передать?

— Нет.

Вера отвечала без пауз. Два года назад, оправдываясь за потерянную кисть перед торговцем красками, она говорила без умолку. Теперь обходилась короткими фразами.

— Покажите альбом, — сказала Дарья.

Вера подошла к нижнему ящику. Выдвинула. Альбом лежал сверху. На месте рисунка остались две половины листа: фигуру вырвали по середине, край розы сохранился на правой части.

— Когда видели целым?

— В пятницу.

— Павел приходил?

— Да. Взял несколько рисунков.

— Зачем?

— Сказал, что изображения иногда путешествуют быстрее текстов. Хотел понять, где возникла легенда о белой розе.

— Вы сказали, что придумали её.

— Сказала. Он мне не поверил.

Дарья посмотрела на рваный край. Если Павел унёс рисунок сам, тот мог оказаться в мастерской без Веры. Если лист вырвали позже, кто-то хотел оставить её подпись рядом с телом.

— Почему не сообщили о пропаже?

— Потому что не знала.

— Альбом сверху.

— Я не пересчитываю рисунки каждое утро.

Вера закрыла ящик сильнее, чем требовалось.

— Вы думаете, я его убила?

— Я думаю, кто-то использовал вашу работу, — сказала Дарья.

— Это делают постоянно.

— На этот раз человек умер.

Вера посмотрела на синие пальцы.

— Тогда найдите, кто решил, что картинка скажет за него.

3. Читатели

К полудню в музее собрались все, кого Краев называл постоянными участниками чтений.

Нина Рубинштейн пришла с лупой в футляре и двумя карандашами разной твёрдости. Узнав о смерти Павла, она спросила, где находится грамота и кто отвечает за условия хранения. Дарья не обиделась. У Нины тревога всегда сначала становилась работой.

Виктор Ракитин вошёл с дочерью. Он был худ, тщательно выбрит и держал пиджак на левой руке, хотя в коридоре было прохладно. Екатерина несла свёрток чертежей и спорила с ним вполголоса.

— Я не ребёнок.

— Поэтому должна понимать, когда лучше остаться дома.

— Именно поэтому пришла.

Ракитин увидел Воронцова и замолчал. Правой рукой поправил ворот рубашки.

— Виктор Павлович? — спросил следователь.

— Да.

— Екатерина Викторовна?

Девушка кивнула.

— Катя, — сказала она. — Так быстрее.

Последним появился пожилой учитель Орлов, которого в кругу называли Николаем Александровичем. Он принёс хлеб в полотенце и сразу начал резать его на тонкие ломти.

— Люди хуже говорят натошак, — объяснил он.

— Иногда это полезно, — заметил Воронцов.

— Для следствия?

— Для краткости.

Краев закрыл входную дверь в читальный зал, но не запер. Воронцов попросил всех сесть так, как они обычно сидели на встречах.

Это простое требование вызвало первую заминку.

Вера выбрала место у окна. Ракитин — возле книжного шкафа. Катя придвинула стул к отцу, потом передумала и села напротив. Нина осталась рядом с Дарьей. Орлов занял край стола, чтобы раздавать хлеб. Краев стоял.

— Кто руководит собраниями? — спросил Воронцов.

Все посмотрели в разные стороны.

— Вот поэтому мы и спорим по четыре часа, — сказала Катя.

Краев снял очки.

— Формального руководителя нет.
— А неформальный?
— Иногда Орлов выбирает текст. Иногда Ракитин переводит. Вера показывает рисунки. Я выдаю книги. Соня напоминает, что музей закрывается.
— Селезнёв?
— Возражал.
— Это должность?
— У нас — почти.
Воронцов положил на стол копию рисунка, не оригинал.
— Что означает?
Орлов хотел ответить, но Вера подняла руку.
— Моя работа. Современная. Символ не исторический.
— А для вас? — Воронцов посмотрел на Ракитина.
Тот говорил медленно, выбирая слова как переводчик.
— Рыцарь, лишённый внешнего оружия, остаётся перед обязанностью, которую нельзя переложить на приказ.
— Перед какой обязанностью?
— Сохранить верность.
Катя сказала:
— Или отказаться от неё, если приказ подлый.
Отец повернулся.
— Я не закончил.
— Поэтому добавила.
— Верность без совести становится послушанием, — сказал Орлов. — Послушание без совести опасно.
— Но без дисциплины не строят ни храм, ни завод, — возразил Ракитин.
Катя развернула чертёж.
— Завод строят расчётом. Если расчёт неверный, приказ не удержит перекрытие.
— Государство не перекрытие.
— Тогда почему вы всё время говорите о фундаменте?
Воронцов поднял ладонь.
— Я просил объяснить рисунок, не устройство страны.
— У нас это обычно одно и то же, — сказала Соня из дверей.
Она принесла чайник и семь чашек, одна была с отколотой ручкой.
— Павел сидел где? — спросил Воронцов.
Соня поставила чашку без ручки на пустое место рядом с Ниной.
— Здесь.
Дарья смотрела на неё. Соня заметила и убрала чашку.
— Простите.
— Не надо, — сказала Нина. — Оставь.
Чашка осталась перед пустым стулом.
Воронцов задавал вопросы по очереди. Когда каждый видел Селезнёва в последний раз. О чём спорили. Кто знал о грамоте. Кто — о книге получателей. Кто бывал у Кудинова.
Ответы совпадали там, где не имели значения, и расходились в мелочах.
Вера утверждала, что Павел взял рисунок в пятницу. Соня не видела, чтобы он выносил альбомные листы. Краев помнил свёрток под мышкой Селезнёва, но считал, что там была подложка для грамоты. Ракитин сказал, что Павел называл белую розу «удобной новой древностью». Орлов возразил: он произнёс «новой легендой», не «древностью».
— Разница важна? — спросил Воронцов.

— Для Павла была бы важна, — сказала Дарья.

— Павла нет.

— Поэтому нам придётся быть точнее за него.

Нина впервые оторвалась от записок.

— Не за него. За себя.

Дарья кивнула.

Ракитин смотрел на пустую чашку.

4. Право на обряд

После общих вопросов Воронцов попросил показать, как проходили чтения.

— Зачем? — спросил Краев.

— Хочу понять, что убийца мог назвать орденом.

— Вы уже решили, что он отсюда?

— Записка решила за меня. Я проверяю её решение.

Орлов предложил отменить. Вера возразила: если они изменяют всё из-за следователя, тот увидит только страх. Катя сказала, что страх и есть часть обычного порядка, просто сегодня его перестали скрывать.

В конце концов Краев достал тонкую тетрадь с текстами. Не книгу получателей — другую, в коричневой обложке.

— Мы читаем исторические и философские отрывки, — сказал он. — Иногда обсуждаем. Иногда Вера предлагает образ. Никаких клятв кровью, подземелий и великих магистров.

— Степени? — спросил Воронцов.

Краев помолчал.

— Игровая форма.

— Для взрослых людей?

— Взрослые люди особенно нуждаются в форме, когда содержание трудно удержать.

Ракитин открыл тетрадь на закладке и начал читать перевод старого текста о послушании. Ракитин читал ровно, без ораторских нажимов. Древний текст звучал почти как служебная инструкция — и оттого пугал сильнее.

«Брат не избирает поручения, но отвечает за то, как его исполнит».

— Это подлинный устав? — спросил Воронцов.

— Пересказ, — ответила Нина. — Составленный по нескольким публикациям. Формула современная.

— Кто составил?

— Ракитин, — сказал Павлович сам. — Для обсуждения, не для выдачи за документ.

— Селезнёв спорил?

— Конечно.

— О чём?

Ракитин закрыл тетрадь.

— Он считал, что мы слишком легко соединяем разные века. Что язык братства позволяет современному кружку присвоить чужую историю.

— А вы?

— Я считал, что традиция не обязана подтверждаться печатью.

Дарья спросила:

— А человеком?

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Если традиция требует от живого человека молчать, передавать сведения или повиноваться, кто отвечает за последствия?

— Каждый отвечает за себя.

Катя тихо сказала:

— Тогда это не орден.

Отец не повернулся.

— Почему?

— Потому что вы всё время говорите о связи. А когда приходит ответственность, каждый оказывается один.

Вера взяла белую розу из бумажного свёртка. Настоящая уже увядала; лепестки по краям стали коричневыми.

— Обряд нужен не для приказа, — сказала она. — Он нужен, чтобы человек произнёс вслух то, что обычно прячет от себя.

Она положила розу перед пустой чашкой.

— Например?

— Что свобода не освобождает от верности. И верность не освобождает от совести.

— Красиво, — сказал Воронцов.

Вера вскинула подбородок.

— Вы считаете это недостатком?

— Считаю предупреждением. Красивые слова легче запоминаются, чем условия, при которых они перестают быть правдой.

Краев закрыл тетрадь.

— Павел говорил почти то же.

— И кому это не нравилось?

— Всем, — ответил Орлов. — Поэтому его приглашали.

Воронцов прошёл вдоль стола. Остановился за стулом Ракитина.

— Вчера вечером вы где были?

— Дома.

— Кто подтвердит?

— Дочь.

Катя подняла глаза.

— Я пришла поздно.

Ракитин положил ладонь на спинку её стула.

— В половине девятого.

— Позже, — сказала она.

— Около девяти.

— Я не смотрела на часы.

— Но отец был дома? — спросил Воронцов.

Катя помолчала.

— Когда пришла — был.

— До этого?

— Не знаю.

Ракитин убрал руку со стула.

— Я переводил весь вечер.

— Кто-нибудь видел?

— Нет.

— Какой текст?

— Статью о французском синдикализме.

— Покажете рукопись.

— Разумеется.

Он ответил спокойно. Только правой рукой сжал край пиджака, лежавшего на коленях.

Дарья заметила движение и тут же возненавидела себя за то, что заметила.

После смерти Павла жесты становились уликами быстрее людей.

5. Книга без братьев

До обеда книга получателей лежала на отдельном столе под листом серой бумаги.

Воронцов попросил Дарью объяснить каждую графу. Она позвала Краева и Веру: один отвечал за хранение, другая чаще других относилась помощь.

На первой странице не было ни печати, ни названия ордена. Только месяц, условное обозначение, сумма и короткая помета.

— Почему инициалы? — спросил Воронцов.

— Потому что полные фамилии не нужны для счёта, — ответил Краев.

— Но нужны для передачи денег.

— Их знал тот, кто передавал.

— Значит, система держалась на памяти?

— На доверии.

— Память хотя бы признаёт, что ошибается.

Вера перелистнула страницу.

— Мы не строили систему. Мы помогали.

— Четыре рубля Марии Лунёвой кто решил выдать?

— Обсудили втроём.

— Кто?

Вера посмотрела на Краева. Тот ответил:

— Я, Вера и Ракитин.

— Почему Ракитин?

— Он знал её мужа.

— Откуда?

— По переводческой работе. Они встречались на лекциях.

Воронцов нашёл ещё одну запись: «Ф. Р. — 3 р.».

— Фёдор Рожков?

— Да, — сказала Вера.

— Не переплётчик Корнеев?

— Нет.

— Где Рожков?

— Выслан. Семья осталась без денег.

— Три рубля переданы семье или ему?

— Жене.

— Тогда почему его инициалы?

Краев устало провёл ладонью по столу.

— Потому что мы были небрежны.

— Небрежность и тайна выглядят одинаково, пока не начинаешь задавать вопросы.

Дарья читала строки. За каждой суммой стояла причина: лекарства, дорога, передача в тюрьму, продукты. Некоторые пометы были понятны только Вере. Другие — только Краеву. Единого шифра не существовало.

— Здесь нет списка членов, — сказала она.

Воронцов поднял взгляд.

— Я и не говорил, что есть.

— Но человек, который получит книгу без объяснений, решит именно так. Инициалы, деньги, тайные обозначения.

— Поэтому её прятали?

— Поэтому должны были вести иначе, — сказала Дарья.

Вера резко закрыла книгу.

- Как? Полными именами и адресами?
- Отдельно хранить доказательство расхода и сведения о человеке.
- Это спасло бы Марию?
- Это позволило бы проверить помощь, не отдавая всех одним списком.
- Теперь легко.
- Нет. Теперь поздно.

Они замолчали.

Соня принесла аптечную квитанцию. На ней стояло полное имя Марии и дата 19 августа. Бумага была сложена вчетверо.

- Нашла в конверте Павла, — сказала она. — Он оставил на столе в субботу.

Дарья сопоставила дату с записью в книге. Решение — четырнадцатого. Передача посреднику — шестнадцатого. Деньги дошли семнадцатого. Квитанция — девятнадцатого.

Четыре даты вместо одной.

- В сообщении указано, что деньги переданы девятнадцатого, — сказал Воронцов.
- Значит, автор видел квитанцию или узнал о ней, — ответила Дарья.
- Кто видел?

Соня перечислила: Селезнёв, потому что принёс; Вера, потому что забрала у Марии; Краев, потому что получил конверт; возможно, Ракитин — он был в читальном зале, когда документы принесли.

- Я не показывала ему, — сказала Вера.
- Но он мог увидеть?
- Мог.

Воронцов попросил точную последовательность. Они восстановили её по мелочам: Соня ушла к телефону; Краев искал бланк; Вера положила квитанцию возле тетради; Ракитин перешёл у окна; Павел пришёл через полчаса.

- Кто оставался один? — спросил он.
 - Никто, — сказал Краев.
 - Это ответ людей, которые не наблюдали друг за другом.
- Дарья раскрыла книгу на чистой странице и сразу закрыла.
- Её надо убрать.
 - Куда? — спросила Вера.
 - В шкаф. До описи.
- Краев взял тетрадь обеими руками.
- Я сам.

Дарья проводила его до шкафа. Увидела, как книга легла на среднюю полку. Как дверца приподнялась перед поворотом ключа. Как Краев проверил замок дважды.

Вера смотрела из коридора.

6. Ключи Краева

Когда остальные разошлись по комнатам, Краев закрыл читальный зал.

- Теперь вы хотите осмотреть всё?
- Только то, что связано с Селезнёвым, — сказал Воронцов.
- В этом доме с ним связано почти всё.

Краев показал рабочий стол Павла. В верхнем ящике лежали выписки из масонских изданий, копии писем, список литературы. На полях Селезнёв ставил три знака: вопрос, крестик и маленький квадрат.

- Что означает квадрат? — спросил Воронцов.
- Дарья знала.
- Проверено по независимому источнику.
 - Крестик?

— Сведения расходятся.

— Вопрос?

— Не проверено.

Почти на каждом листе вопросов было больше, чем квадратов.

В нижнем ящике нашли письма Тарханова. Антиквар требовал вернуть грамоту, напоминал об «условиях временной передачи» и предупреждал, что публичные сомнения нанесут ущерб людям, доверившим ему семейную реликвию.

— Угроза? — спросил Воронцов.

— Торговая вежливость, — сказал Краев. — У антикваров она часто звучит одинаково.

Последнее письмо было датировано субботой. В нём Тарханов назначал Селезнёву встречу на понедельник и обещал «принять меры для защиты имени владельца».

— Сегодня, — сказал Воронцов.

— Павел не пришёл.

— Значит, Тарханов уже знает.

— Москва быстро сообщает плохие новости тем, кто рассчитывал на хорошие.

Дарья нашла конверт с пометой «рисунки». Внутри лежали три фотографии работ Веры. Рыцарь без меча был среди них — целый, без разрыва. На обороте рукой Селезнёва написано: «Современная композиция. Источник легенды не установлен».

— Он поверил Вере? — спросил Воронцов.

— Зафиксировал её объяснение, — сказала Дарья.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Краев стоял у двери, перебирая ключи.

Их было шесть. Один от входа, два от шкафов, один от стола, один от кладовой и длинный — от внутреннего книгохранилища. Дарья видела, как он каждый вечер проверял связку.

— Кто ещё имеет ключ от шкафа с книгой получателей? — спросил Воронцов.

— Никто.

Соня, проходившая мимо, остановилась.

— Запасной в красном ящике.

Краев повернулся.

— Он запечатан.

— Был запечатан в июне. Потом вы открывали, когда потеряли связку.

— Я её не потерял. Оставил в другом пиджаке.

— Поэтому вскрыли запасной пакет.

Воронцов попросил показать.

Красный ящик стоял в канцелярии. Внутри лежали запасные ключи на картонках. Пакет от шкафа был заклеен полосой бумаги с подписью Краева. Полоса казалась целой.

Дарья наклонилась.

— Клей свежий.

Краев посмотрел на неё резко.

— Почему?

— Старый пожелтел бы вместе с бумагой. Здесь край прозрачный.

— Я переклеивал после июня.

— Когда?

— Не помню.

Соня сказала:

— Я делала новый пакет в начале августа. Вы подписали.

— Кто видел ключ до этого?

— Я. Краев. Возможно, Вера — она помогала разбирать ящик.

— Ракитин? — спросил Воронцов.

— Был в комнате, но не подходил.

Краев раздражённо звякнул связкой.

— Вы превращаете обычный беспорядок в тайную систему.

— Нет, — сказал Воронцов. — Тайная система была бы удобнее. В беспорядке ключ мог взять человек, которого никто не запомнил.

Дарья снова осмотрела пакет. Бумага не была разрезана. Если ключ брали, то после пере-
клейки или вместе с ней. Но книга сейчас находилась в шкафу.

— Пока ничего не пропало, — сказала она.

Краев посмотрел на неё с благодарностью, которая оказалась преждевременной.

Из коридора позвала Соня:

— Михаил Борисович, вас к телефону.

Краев ушёл. Воронцов закрыл красный ящик.

— У вашего музея удивительные отношения с ключами.

— У любой библиотеки. Книги ценят, пока не нужно отвечать за дверь.

— Селезнёв знал про запасной?

— Конечно.

— А художница?

Дарья посмотрела в коридор. Вера стояла у окна и мыла руки в тазу. Синий цвет сходил
медленно.

— Возможно.

7. Девочка и машина

Катя ждала отца у служебного входа. Чертежи лежали на коленях, поверх них — раскры-
тая книга по сопротивлению материалов.

Дарья села рядом.

— Ты действительно пришла поздно?

Катя не подняла глаз.

— Я сказала следователю.

— Ты сказала, что не смотрела на часы.

— Потому что не смотрела.

— Где была?

— На занятиях. Потом у подруги. Мы считали нагрузку на ферму.

— До девяти?

— Может, до половины десятого.

— Отец сказал половина девятого.

Катя закрыла книгу.

— Отец любит точность, когда она ему помогает.

— А когда не помогает?

— Называет формализмом.

Она сказала это без злости. Скорее устало.

— Он был дома, когда ты пришла?

— Да.

— Что делал?

— Сжигал черновики перевода.

Дарья почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Почему?

— Потому что всегда сжигает черновики. Бумаги мало, корзина маленькая, печку всё
равно растапливать. Не делайте такое лицо.

— Какое?

— Будто я уже сказала что-то нужное вам.

— Я ещё не знаю, что мне нужно.

— Тогда не берите у меня первой попавшейся вещи.

Дарья посмотрела на чертёж. Тонкие линии сходились в узлах, каждый имел номер.

— Ты спорила с отцом о верности.

— Мы постоянно спорим.

— Почему пришла на чтения, если считаешь обряды игрой?

— Потому что люди в игре иногда честнее. Они думают, что последствия ненастоящие.

— А Павел?

Катя отвела взгляд.

— Он не позволял притворяться. Поэтому его любили минутами.

— А остальное время?

— Терпели.

Из здания вышел Ракитин. Пиджак теперь был надет. Правая рука свободно висела вдоль тела.

— Катя, домой.

— Я разговариваю.

— Уже поздно.

— Половина пятого.

— Для этого дома сегодня поздно.

Он посмотрел на Дарью.

— Следователь закончил?

— На сегодня.

— Я могу идти?

— Он вас не задерживал.

— Сейчас это трудно различать.

Катя поднялась. Чертежи развернулись, один лист упал. Ракитин наклонился быстрее дочери, но правый рукав натянулся, и он поморщился.

— Что с рукой? — спросила она.

— Потянул вчера.

— Ты говорил, что сегодня утром.

Он передал ей лист.

— Значит, утром.

Дарья промолчала.

Ракитин заметил.

— У вас есть вопрос?

— Нет.

— Тогда не смотрите так, будто уже записали ответ.

Они ушли.

Соня позвала Дарью к машинке. На столе стоял старый «Ундервуд», крышка была снята.

— Лента снова заедает, — сказала она. — Павел просил перепечатать выписки, но я не успела.

— Когда сломалась?

— В субботу. Каретка не возвращается.

Дарья нажала клавишу. Литера ударила по ленте, оставив слабый серый знак.

— Кто печатал сообщение о Марии?

— Не я.

— На этой машине могли?

— До субботы — могли. Но буква «ф» у нас смещена, а «р» пробивает ленту. Можно сравнить.

— Ремонт когда?

— Обещали к среде. Если мастер придёт.

Дарья посмотрела на валик. На нём остался лист копировальной бумаги с синим краем. Тот же оттенок, что на записке.

Она осторожно вынула лист.

— Его трогала Вера?

Соня засмеялась без радости.

— Сегодня все трогали всё. Следователь попросил показать бумагу, Краев искал старые копии, Вера принесла чистые листы. Хотите выбрать виновного по цвету пальцев — выбирайте весь музей.

Дарья положила копирку обратно.

— Не хочу.

— Тогда чего хотите?

Она посмотрела на дверь, за которой исчезли Ракитин и Катя.

— Понять, когда человек начинает исправлять время.

8. Пропажа

Музей закрыли в семь.

Воронцов ушёл проверять Тарханова. Нина забрала фотографии грамоты в лабораторную комнату. Орлов унёс остаток хлеба, потому что выбрасывать считал нравственным поражением. Соня спустилась к телефону. Краев пошёл провожать следователя.

Дарья осталась в читальном зале одна.

Почти одна.

За стеной шуршала бумага. Она заглянула в художественную мастерскую. Вера складывала рисунки в большой портфель.

— Уходишь?

— Через минуту.

— Почему не оставишь здесь?

— Потому что один уже нашли под мёртвым человеком.

Дарья вошла.

— Ты написала записку?

Вера не повернулась.

— Я ответила Воронцову.

— Мне ответь.

— Нет.

— Почему бумага из твоего блока?

— Потому что Соня режет её для всех.

— Почему пигмент?

— Потому что я рисую.

— Почему человек ушёл в музейный переулок?

Вера закрыла портфель.

— Потому что там музей, прачечная, столовая и три двора.

Дарья узнала слова девочки.

— Откуда ты знаешь, что там три двора?

— Я хожу этой улицей каждый день.

Ответ был правильным. Слишком быстрым только потому, что Дарья хотела услышать паузу.

— Павел доверял тебе?

Вера взяла шляпу.

— Иногда.

— А ты ему?

— До тех пор, пока он не решил, что правда существует отдельно от людей.

— Он так не считал.

— В четверг пришёл к Марии с проверкой.

— И починил Мише колесо.

Вера остановилась.

— Починил?

— Плохо. Кудинов исправил.

Она села на край стола.

— Это очень на него похоже.

— Что именно?

— Не уметь и всё равно попробовать, если никто не видит.

Вера закрыла глаза. На секунду Дарье захотелось обнять её. Вместо этого она спросила:

— Кому ты передала полное имя Марии?

Вера открыла глаза.

— Никому.

— Краеву?

— Он знал.

— Ракитину?

— Он принимал решение о помощи.

— Значит, тоже знал.

— Да.

— Соня?

— Только инициалы.

— Орлов?

— Не знаю.

— Павел?

— Проверял выдачу.

— Кто составил ведомость с полным именем?

Вера помолчала.

— Я.

Это признание было маленьким и потому опасным.

— Где она?

— Должна быть в книге получателей, вложена между страницами.

Дарья вышла в коридор.

Шкаф был закрыт. Краев ещё не вернулся. Соня поднималась по лестнице.

— Где Михаил Борисович?

— У ворот с Воронцовым.

— У тебя есть запасной ключ?

— В красном ящике.

Они вошли в канцелярию. Пакет лежал на месте, но бумажная полоса была надорвана у края.

— Утром была целой, — сказала Дарья.

Соня побледнела.

Внутри пакета ключа не оказалось.

Они вернулись к шкафу. Замок не имел следов взлома.

Краев появился через несколько минут, сердитый из-за задержки. Увидел раскрытый пакет, ничего не спросил. Выбрал короткий ключ из своей связки, приподнял дверцу и повернул.

Полка была пуста.

Утром книга получателей лежала там.

Теперь исчезла.

Вера стояла в конце коридора с большим портфелем в руке.

Краев посмотрел на неё.

Она выдержала взгляд.

— Откройте, — сказал он.

Вера положила портфель на стол.

Внутри были рисунки. Только рисунки.

Дарья перебрала каждый лист.

На дне остался прямоугольный след в синей пыли — по размеру серой книги.

— Она была здесь, — сказала Соня.

Вера посмотрела на след.

— Значит, кто-то хотел, чтобы вы так подумали.

Это могло быть правдой.

Именно поэтому никто ей не поверил.

Краев повернулся к Соне.

— Ты оставляла канцелярию открытой?

— Сегодня все двери были открыты.

— Я спрашиваю про канцелярию.

— Когда принесли чайник — да. На две минуты.

— Запасной ключ лежал там.

— А основной был у вас.

Краев звякнул связкой.

— Поэтому книгу могли взять только запасным.

— Или вы забыли закрыть шкаф.

Он побледнел.

— Я проверил дважды.

— Я видела, — сказала Дарья.

Соня посмотрела на неё.

— Тогда почему вы смотрите на меня?

Дарья не заметила, что смотрит.

— Потому что ты знала про ключ.

— Все знали. Михаил Борисович каждый раз рассказывает про красный ящик, когда оставляет связку в другом пиджаке.

— Один раз, — сказал Краев.

— Три.

— Два.

— Сейчас это важно?

— Сейчас важно всё.

Соня сняла с пояса рабочий ключ от каталожных ящиков и положила на стол.

— Тогда заберите. И сами открывайте каждую карточку.

— Не устраивай сцену.

— Сцена уже была. Книги нет.

Она вышла в коридор. Краев сделал шаг следом, но остановился.

Дарья взяла ключ со стола.

— Догони её.

— Следователь сейчас вернётся.

— Именно поэтому. Если он спросит, почему Соня ушла, у тебя будет плохой ответ.

Краев посмотрел на пустую полку и впервые за день не нашёл возражения.

Он вернулся с Соней одновременно с Воронцовым. Они шли рядом, не разговаривая, но ключ снова висел у неё на поясе.

Воронцов вернулся через десять минут. Выслушал всех, закрыл входную дверь и попросил положить на стол содержимое карманов и сумок.

Краев вспыхнул.

— Вы обыскиваете музейных работников?

— Пока предлагаю добровольно показать вещи.

— А если откажемся?

— Тогда решу, достаточно ли оснований для другого порядка.

Соня первой вывернула карманы: ключ от дома, катушка ниток, две карточки, кусок сахара. Нина положила лупу, карандаши, платок и коробочку с обломком пера. Дарья открыла сумку сама.

Вера стояла неподвижно.

— Я уже показала портфель.

— Карманы, — сказал Воронцов.

Она достала связку домашних ключей, мелочь, перочинный нож, сложенную салфетку и белый лепесток.

— Роза? — спросил он.

— Из сегодняшнего чтения.

— Зачем взяли?

— Не хотела оставлять на месте Павла.

Краев отвернулся.

Книги не было ни у кого.

Воронцов проверил окна, служебный выход, кладовую. Во внутреннем дворе под окном лежали мокрые от вчерашнего дождя листья. Следов падения тяжёлой тетради не было. Соня обошла все столы. Нина подняла серую бумагу, которой книгу накрывали утром; под ней осталась прямоугольная полоса без пыли.

— Её взяли после обеда, — сказала Дарья. — До этого книга лежала здесь, потом Краев убрал в шкаф.

— Между четырьмя и семью в музей входили одиннадцать человек, — сказала Соня. — Посетители, курьер, мастер по машинке не пришёл, зато приходил ученик спросить цену ремонта.

— К шкафу посетителей не пускали, — сказал Краев.

— Сегодня двери были открыты из-за следствия, — возразила она.

Воронцов осмотрел запасной пакет.

— Его вскрыли не ножом. Полосу отогнули на влажном клею, потом прижали. Кто-то знал, что бумагу можно снять без разрыва.

Дарья посмотрела на Веру. Художница работала с клеем и бумагой каждый день. Краев тоже. Соня готовила пакеты. Нина умела размягчать старые наклейки. Любой из них мог объяснить способ остальным.

— След в портфеле, — сказал Краев. — Этого достаточно.

— Для подозрения, — ответил Воронцов. — Не для вывода.

— Вы утром говорили иначе.

— Утром книга была на месте.

Вера взяла портфель.

— Я могу идти?

— Да.

— После этого?

— После этого особенно. Если задержу без основания, вы получите удобную невинность. Я предпочитаю неудобные вопросы.

Она вышла.

Дарья подошла к окну. Внизу Вера надела серую шляпу, миновала трамвайную остановку и свернула за угол.

Под мышкой у неё был пустой портфель.

По крайней мере, теперь он выглядел пустым.

Дарья вернулась к шкафу. На внутренней стороне дверцы обнаружилась тонкая синяя черта, как от ногтя в постели. Утром её не заметили. Она могла появиться месяц назад, час назад или только что, когда Вера открывала портфель рядом.

— Не трогайте, — сказал Воронцов.

— Я и не трогаю.

— Вы уже решили, что она означает?

— Нет.

— Хорошо.

Дарья выдвинула каталог и нашла карточку тетради. В графе «место хранения» стоял этот шкаф. В графе «выдача» не было ничего.

Она положила карточку рядом с синей чертой.

— Тетрадь вынесли без записи, а след оставили здесь.

Воронцов закрыл дверцу, не касаясь постели.

— Значит, завтра начнём не с того, где книгу искали. С того, кто приготовил нам место для поисков.

ГЛАВА 3. БУМАГА СТАРШЕ ЧЕЛОВЕКА

Москва. Среда, 27 августа 1930 года.

1. Свет сбоку

Нина Рубинштейн не верила документам, пока не выключала верхний свет.

Она закрыла ставни в лабораторной комнате музея, оставила одну лампу и поставила её почти вровень со столом. Грамота легла на чёрное сукно. Дарья стояла напротив и держала картонную заслонку, чтобы луч не бил в глаза.

— Ниже, — сказала Нина.

Дарья опустила.

— Ещё.

— Если ниже, мы будем исследовать край стола.

— Край стола хотя бы не объявляли посланием из восемнадцатого века.

Свет скользнул по бумаге. Складки поднялись, царапины стали длиннее, стёртое место на обороте проступило серым островком.

Нина надела лупу.

— Не дыши.

— Это обязательное условие науки?

— Пока ты держишь заслонку — да.

Дарья задержала дыхание. Нина двигалась вдоль строки медленно, не касаясь листа. В комнате пахло пылью, сукном и нагретым металлом лампы.

На лестнице хлопнула дверь.

Обе замерли.

После исчезновения книги каждый звук в музее изменил значение. Раньше дверь означала посетителя. Теперь — человека, который мог войти с ключом, взять тетрадь и оставить пустую полку.

Шаги прошли мимо.

Нина снова наклонилась.

— Бумага хорошая.

— Это мы знали.

— Нет. Мы знали, что она старая. Теперь я говорю, что хорошая. Плотная, равномерная, без грубых включений. Её берегли до того, как на ней написали текст.

— Почему «до»?

— Смотри на сгиб.

Дарья пересела. По центральной линии шёл старый залом. Чернила пересекали его без разрыва.

— Лист сложили раньше, чем написали.

— Или разогнули старую бумагу из другого документа.

— Можно доказать?

— Можно показать последовательность. Доказать происхождение сложнее.

Нина подвинула лампу. На верхнем поле проявились две крошечные дырочки.

— Прошивка, — сказала Дарья.

— Старая. А нынешний текст расположен так, чтобы её не задеть. Писавший видел следы прежнего использования.

— Значит, выбрал старый пустой лист.

— Не спеши. Возможно, текст удалили.

Она показала неровный блеск волокон. Поверхность была соскоблена, затем разглажена. На таком месте новое перо шло бы иначе. Автор обошёл участок, оставив странный широкий пробел между словами.

Дарья вспомнила Павла у окна мастерской. «Бумага старая. Я спросил о грамоте».

— Он увидел это сразу.

— Павел видел то, что его раздражало. Иногда это ускоряло работу.

— Иногда?

— Иногда раздражение делало его слепым к остальному.

Нина выпрямилась и потёрла переносицу.

— Кто теперь отвечает за документ?

— Краев.

— Нет. За ключ отвечает Краев. За документ кто?

Дарья поняла вопрос.

— Я.

— Тогда запиши состояние до каждой операции. И не позволяй Воронцову складывать его в конверт.

— Он не станет.

— Все становятся, когда спешат.

Нина сняла лупу.

— Сегодня мы ничего не смачиваем, не прогреваем и не наносим. Только свет, увеличение и сравнение.

— Потому что опасно?

— Потому что другого листа нет.

Стук раздался на этот раз в дверь комнаты.

Соня вошла с телеграммой.

— Тарханов требует вернуть грамоту к полудню.

— Он не может требовать телеграммой, — сказала Дарья.

— Может. Вот требует.

На бланке было восемь слов:

«СРОК ПЕРЕДАЧИ ИСТЁК ТРЕБУЮ НЕМЕДЛЕННОГО ВОЗВРАТА БЕЗ ПОВРЕЖДЕНИЙ ТАРХАНОВ».

Нина посмотрела на лампу.

— Значит, у нас осталось три часа.

— Грамоту не отдадут, — сказала Дарья.

— Это решит следователь.

— Документ передан музею.

— Временно. И человек, который получил его, мёртв.

Дарья снова прочитала телеграмму.

Слова «без повреждений» были единственными, в которых слышался настоящий страх.

2. Три текста

В архивном шкафу хранились две копии грамоты.

Первая — рукописная, сделанная неизвестно когда. Вторая — машинописная, поступившая вместе с письмом Тарханова. Оригиналом все называли старый лист на чёрном сукне, хотя уже само это слово требовало осторожности.

Дарья разложила тексты в три колонки.

Нина села слева, Соня — справа. Машинка оставалась неисправной, поэтому сравнение вели карандашом на отдельных карточках.

— Начинаем с различий, — сказала Дарья.

— С очевидных? — спросила Соня.

— С любых. Очевидность проверим потом.

В первом абзаце рукописной копии стояло «хранители Храма». В машинописной — «хранители Ордена». На старом листе слово читалось как «хранители Дела».

— Уже три традиции, — сказала Соня.

— Или три человека, которым не нравилось одно слово, — ответила Нина.

Дарья отметила варианты.

Во втором абзаце появилась ссылка на «вольных братьев Севера». Формула звучала убедительно, пока Нина не принесла французское издание начала двадцатого века. Там переводчик использовал почти ту же фразу, объясняя немецкий термин, вошедший в оборот намного позже 1782 года.

— Заимствование? — спросила Соня.

— Возможно, — сказала Дарья.

— Снова возможно.

— Ты предпочитаешь ошибку уверенно?

— Я предпочитаю понимать, что можно сказать посетителю.

— Пока ничего.

Нина провела ногтем по полю французской книги.

— Совпадают не только слова. Порядок пояснений тот же. Сначала «север», потом «внутренний храм», затем «цепь наставников». Если русский текст существовал в 1782 году, французский переводчик через сто двадцать лет удивительно точно повторил его ошибки.

— Или автор грамоты пользовался поздней книгой, — сказала Дарья.

— Вот теперь это рабочая версия.

Они перешли к именам. Возле первого имени стоял титул, пожалованный барону много позже 1782 года. Другой человек действительно жил, но в 1782 году находился не в Петербурге, а в Вене. Третье имя встречалось только в рукописной копии; машинописец заменил его инициалом.

Соня подняла голову.

— Почему копировщик исправлял?

— Может быть, знал больше, — сказала Нина.

— Или хотел, чтобы ошибка не бросалась в глаза, — ответила Дарья.

К полудню на столе лежало двадцать семь карточек. Ни одна сама по себе не уничтожала дату. Вместе они делали её всё менее вероятной.

Краев вошёл без стука.

— Тарханов внизу.

— Телеграммы оказалось мало?

— Он привёл представителя владельца.

— Какого владельца?

— Именно это я спросил.

Нина накрыла грамоту чистым картоном.

— Никого сюда не пускать.

Краев посмотрел на Дарью.

— Воронцов едет.

— Сколько у нас?

— Пока Тарханов спорит с правилами музея — минут десять. Если начнёт спорить со мной — дольше.

— Спорьте медленно.

Краев почти улыбнулся.

— Наконец поручение по специальности.

Он вышел.

Дарья повернула карточку с бароном.

— Продолжаем.

— Тарханов поднимется, — сказала Соня.

— Тогда успеем найти ещё одну ошибку до того, как он откроет дверь.

Они нашли две.

Последняя оказалась не в словах, а в пустом месте.

На старом листе между двумя абзацами оставался промежуток шириной в палец. Рукописная копия сохраняла тот же разрыв. Машинописная — тоже: Соня дважды ударила клавишу перевода строки, хотя для смысла это не требовалось.

— Копировала расположение, — сказала она.

— Или видела лист, — ответила Дарья.

Нина наложила кальку на фотографию грамоты, не на сам документ. Отметила начала строк, длинные слова и промежутки. Затем сделала то же с рукописной копией.

Первые четыре строки совпали. Пятая в копии была короче: переписчик заменил одно слово, и остаток должен был сдвинуться. Но шестая снова начиналась точно под исходным местом.

— Он копировал построчно, — сказала Дарья. — Дошёл до конца образца и перешёл там же, даже когда место оставалось.

— Значит, рукописная копия зависит от этого листа, — сказала Соня.

— Или от точного изображения.

— Фотографии?

— Возможно. Но не от самостоятельного старого источника.

Машинописный текст на первый взгляд был свободнее. Строки не совпадали, пунктуация стала современной. Нина уже собиралась отложить, когда Дарья заметила пропуск после слова «наставник».

На грамоте в этом месте темнело круглое пятно. Две буквы читались плохо. Рукописный копировщик оставил пробел. Машинописец выбросил всё слово.

— Три документа повторяют одно повреждение, — сказала она.

— Потому что происходят от одного повреждённого листа, — ответила Нина.

— Или от копии, в которой его уже не разобрали.

Соня взяла карточки.

— То есть у нас не три свидетельства.

— Одно, переписанное два раза.

— Тогда зачем Тарханов принёс копии? Они ослабляют подлинность.

— Если не сравнивать построчно, усиливают. Три листа выглядят как традиция.

Из коридора донёсся голос Краева. Он медленно объяснял кому-то, что лабораторная комната не является приёмной и что слово «немедленно» не расширяет дверной проём.

Дарья собрала карточки в стопку.

— Записываем зависимость копий как предварительную.

— Почему предварительную? — спросила Соня.

— Мы не знаем, какая появилась первой.

— Но знаем, что они не подтверждают друг друга.

— Да.

Соня написала на карточке крупно: «НЕ ТРИ».

Нина посмотрела.

— Научная терминология развивается.

— Зато понятно.

Дарья взяла карточку. Хотела заменить формулировкой, но оставила. Почерк Павла стоял перед глазами: он сам оставлял сомнительные слова, чтобы к ним возвращались.

За дверью голос Тарханова стал ближе.

— Он поднимается, — сказала Соня.

Нина накрыла лист. Дарья спрятала карточки, но одну оставила на столе.

«НЕ ТРИ».

Антиквар вошёл и первым делом прочитал именно её.

3. Антиквар

Глеб Аркадьевич Тарханов вошёл в лабораторную комнату без разрешения и сразу доказал, что знает цену старым вещам.

Он не посмотрел на грамоту.

Сначала осмотрел лампу, расстояние до листа, чистоту сукна и руки Нины. Только после этого перевёл взгляд на картонную крышку.

— Уберите свет, — сказал он.

— Он холодный, — ответила Нина.

— Любой свет вреден.

— Особенно тот, при котором видно текст?

Тарханов снял перчатки. Ему было около шестидесяти, но двигался он легко. Тарханов разгладил серебристую бородку двумя пальцами и только после этого положил перчатки на стол.

Рядом стоял молодой мужчина с портфелем и доверенностью.

— Документ передан Павлу Андреевичу Селезнёву для ограниченного исследования, — сказал представитель. — В связи с его смертью основание передачи прекратилось.

— Человек умер, а основание прекратилось, — сказала Нина. — Удобный язык.

Дарья встала между столом и посетителями.

— До завершения осмотра грамота останется здесь.

— Вы следователь?

— Ответственный исследователь.

— С сегодняшнего утра?

— С того момента, когда стала единственным человеком в комнате, готовым отвечать за состояние листа.

Нина кашлянула.

— Нас двое.

— Спасибо.

Тарханов положил перчатки на портфель помощника.

— Я не позволю превратить документ в улику по делу, к которому он не относится.

— Откуда вы знаете, что не относится? — спросил Воронцов от двери.

Он вошёл тихо. Тарханов не вздрогнул, но представитель владельца сразу достал доверенность.

Воронцов прочитал.

— Здесь разрешение требовать возврата. Разрешения мешать следственным действиям нет.

— На каком основании вы удерживаете частную собственность?

— Проверяем, связано ли с ней убийство.

— Не связано.

— Вы присутствовали?

Тарханов посмотрел на него холодно.

— Я знал Селезнёва достаточно, чтобы понимать его привычку создавать опасность из сомнения.

— Вы встречались в воскресенье?

— Нет.

— Где были с семи до десяти?

— В своей лавке до восьми. Затем дома.

— Кто подтвердит?

— Приказчик, покупатель, дворник, жена.

— И всё это вы подготовили прежде, чем я спросил.

— Вчера мне сообщили о смерти человека, который удерживал мою вещь. Я предположил, что вопросы последуют.

Воронцов вернул доверенность.

— Вы передавали Селезнёву деньги?

Представитель шагнул вперёд, но Тарханов остановил его.

— Платил за консультации.

— Какие?

— Он проверял происхождение нескольких бумаг.

— Включая эту?

— Включая.

— Сколько?

— Пятьдесят рублей частями.

Для дружеской услуги сумма казалась чрезмерной, для подкупа — смешной. В расходной книге она могла означать и то и другое.

— Расписки?

— Есть.

— Принесите.

— Вы можете запросить официально.

— Могу. Но вы пришли сами.

Тарханов повернулся к Дарье.

— Что вы успели сделать?

— Осмотр в боковом свете. Сравнение с двумя копиями.

— Повреждения?

— Новых нет.

— Вывод?

— Не готов.

— Тогда верните.

— Именно поэтому не верну.

Он подошёл ближе.

— Дарья Сергеевна, вокруг этого листа существуют имена людей, которых вы не знаете. Семьи. Репутации. Архивы, открытые по личному доверию. Если вы публично объявите подделкой то, чего не понимаете, последствия будут необратимы.

— Если объявлю без доказательств — да.

— Сомнение уже разрушает.

— Тогда почему вы принесли документ Селезнёву?

Тарханов задержал взгляд на закрытом листе.

— Потому что хотел заключения.

— Или подтверждения?

— Разница существует только для человека, заранее уверенного в отрицательном ответе.

Нина сняла картон.

— Нет. Разница существует в волокнах.

Тарханов впервые посмотрел на стёртое место.

Лицо не изменилось.

Правая перчатка на портфеле медленно расправилась под рукой помощника.

— Вы соскребали поверхность? — спросил антиквар.

— Нет.

— Селезнёв?

— По состоянию краёв вмешательство старое, — ответила Нина.

— Насколько?

— Не скажу.

— Значит, ничего не знаете.

— Знаю, что вы сразу спросили именно о соскобе.

Воронцов перевёл взгляд на Тарханова.

Тот взял перчатки.

— Любой специалист спросил бы.

— Вы специалист? — спросила Дарья.

— В отличие от многих, кто получает жалованье за это слово.

Он развернулся к двери.

— До вечера жду письменного основания удержания. После этого обращусь выше.

— Обращайтесь, — сказал Воронцов. — Только принесите расписки.

Тарханов ушёл.

Молодой представитель поспешил за ним, забыв на стуле портфель. Вернулся, покраснел и забрал.

Нина дождалась, пока шаги стихнут.

— Он знал, что поверхность соскабливали.

— Мог увидеть, — сказала Дарья.

— С трёх шагов и под картоном?

— Мог знать документ лучше, чем признаёт.

Воронцов посмотрел на дверь.

— В воскресенье он был в лавке до восьми. Проверим.

— Думаете, убил из-за грамоты?

— Думаю, он принёс четыре подтверждения алиби до вопроса. Это не вина. Но это приглашение поговорить со всеми четырьмя.

4. Ошибка перевода

После ухода Тарханова Нина отказалась продолжать у открытой двери.

Краев запер лабораторную комнату снаружи. Дарья записала время, состояние печатей на окнах и номер ключа. Соня принесла чай, но оставила за порогом.

— Теперь можно дышать? — спросила Дарья.

— Тихо.

Они вернулись к третьему абзацу.

Текст сообщал, что русские братья получили «право внутреннего соблюдения» от западного наставника. Формула была знакома Дарье по литературе о Строгом соблюдении, но в грамоте стояло слово, которого русский переводчик восемнадцатого века, скорее всего, не выбрал бы.

— «Юрисдикция», — сказала она.

— Слово существовало, — ответила Нина.

— Да. Но здесь оно переводит французское obedience.

— Послушание.

— Или подчинение. Не юрисдикция.

Они нашли источник через час. В брошюре, изданной в Париже в 1908 году, автор неверно перевёл немецкий термин на французский как juridiction. В русскую грамоту попало именно это французское недоразумение. Теперь та же ошибка стояла в грамоте, якобы написанной за столетие до брошюры.

Соня, которую впустили записать ссылку, прочитала строку.

— Может быть, француз повторил русскую грамоту?

— Тогда он должен был её видеть, — сказала Дарья.

— Мог?

— Именно это проверим. Но в книге нет ссылки на русский источник.

Нина положила рядом ещё одно издание, 1911 года. Там ошибка повторялась уже в примечании.

— Текст грамоты ближе ко второму, — сказала она. — Посмотри порядок слов.

Дарья прочитала. Совпадало даже необязательное уточнение в скобках.

— После 1911 года.

— Если это не поздняя вставка в старый текст.

— Чернила одинаковы по всему листу.

— На глаз.

— Значит, проверим.

Нина покачала головой.

— Сегодня без реактивов.

— Фотография в разных фильтрах?

— Можно попробовать завтра, если найдём аппаратуру и человека, который не сожжёт нам бумагу лампой.

Дарья записала вывод осторожно:

«Текст содержит формулу, совпадающую с переводческой ошибкой публикаций 1908–1911 годов. Возможна поздняя редакция либо изготовление экземпляра после выхода указанных публикаций».

Соня прочитала через плечо.

— Почему не написать просто: грамота поддельная?

- Потому что у нас один признак.
- Уже двадцать семь карточек.
- Двадцать семь вопросов не всегда дают один ответ.
- Павел дал бы.

Дарья посмотрела на пустое место у стола.

- Павел сначала заставил бы нас спорить ещё два часа.

- А потом?

- Потом сказал бы, что мы проверяли не ту вещь.

Нина подвинула грамоту.

- Возможно, он уже сказал.

На полях машинописной копии рукой Селезнёва было написано: «Сравнить не дату текста, а дату появления этой версии».

Под фразой стоял квадрат.

Проверено по независимому источнику.

Но источник не был указан.

5. Деньги за сомнение

Воронцов вернулся к четырём с двумя расписками и плохим настроением.

Тарханов заплатил Селезнёву двадцать рублей в июне и тридцать в августе. В назначении первого платежа стояло «консультация по происхождению рукописи». Во втором — «дополнительная работа с архивными сведениями».

— Приказчик подтвердил, что Тарханов был в лавке до восьми десяти, — сказал Воронцов. — Покупатель видел его около половины восьмого. Дворник — когда закрывал дверь. Жена — после девяти.

- А между восемью десятию и девятью?

- Лавка от мастерской Кудинова не рядом, но доехать можно.

- Значит, алиби нет.

- Есть участок времени без свидетеля. Это не одно и то же.

Он положил расписки под стекло.

- Почерк Селезнёва?

Дарья сравнила подпись с его записями.

- Похож. Нина?

- Без заключения. Но признаков грубой подделки не вижу.

— Тарханов не отрицал платежи, — сказал Воронцов. — Вопрос другой: зачем платить исследователю, если боишься результата?

- Чтобы первым узнать, что именно будет разоблачено, — ответила Дарья.

- Или чтобы получить честную проверку до покупки, — сказала Нина.

- Какой покупки?

Она показала письмо владельца. Внизу мелким почерком упоминалась возможная передача грамоты частному собранию.

— Тарханов посредник. Если документ настоящий, цена растёт. Если нет — он должен знать раньше клиента.

Воронцов прочитал.

— Тогда у него коммерческий мотив давить на Селезнёва, но убийство лишает его заключения.

— Если Павел собирался объявить о подделке, смерть могла задержать объявление, — сказала Дарья.

- На один день. Вы продолжили.

- Тарханов мог рассчитывать, что работу остановят.

- Мог.

Нина собрала карточки.

— Вы оба подгоняете мотив к человеку, потому что он неприятный.

— Он угрожал репутациями, — сказала Дарья.

— Репутация для антиквара — товар. Это объясняет угрозу, не убийство.

Воронцов кивнул.

— Поэтому я и принёс расписки, а не наряд.

Он спросил о книге получателей.

Новых следов не было. Вера утром не пришла. Краев послал ей записку, ответа не получил. Запасной ключ нашли в ведре с бумагой для растопки — чистым, без бирки.

— Кто нашёл? — спросила Дарья.

— Соня.

— Где стояло ведро?

— В канцелярии под столом.

— Значит, книгу могли взять и вернуть ключ до закрытия.

— Да.

— Почему бросили в ведро?

— Чтобы нашли. Или чтобы не нашли до растопки.

Нина вздохнула.

— Две противоположные версии на каждый предмет. Удобное дело.

— Неудобное, — сказал Воронцов. — В удобном одна версия быстро становится любимой.

Он посмотрел на грамоту.

— Покажите, из-за чего умер Селезнёв.

— Мы не знаем, что он умер из-за неё, — ответила Дарья.

— Покажите, из-за чего Тарханов боится.

Это было точнее.

6. У Марии

Веру нашли не дома, а у Лунёвых.

Она сидела на кухне и пришивала к Мишиной рубашке пуговицу. Серое пальто висело на спинке стула. Большого портфеля не было.

Миша катал по столу деревянное колесо. Оно всё ещё покачивалось, но проходило от одного края до другого и не падало.

— Видите, — сказал он Дарье. — Плохо, но едет.

— Это важное качество.

Мария встала между Верой и Воронцовым.

— У неё нет вашей книги.

— Я ещё не спросил, — сказал он.

— Вчера спрашивали все.

Вера откусила нитку.

— Я пришла предупредить Марию, что её имя могло попасть в чужие бумаги.

— Оно уже попало, — ответила Дарья. — Сообщение зарегистрировали двадцать второго.

Мария прижала ладонь к столу. Под пальцами хрустнула хлебная крошка; она смахнула её к краю, словно могла ещё вернуть разговор к обычному вечеру.

— Где?

Воронцов посмотрел на Дарью. Она поняла, что сказала больше, чем собирались сообщать.

— В учреждении, которое собирает сведения, — ответил он.

— В каком?

— Сейчас это не поможет.

— Вам не поможет или мне?

Вопрос остался без ответа.

Миша перестал катать колесо.

Вера пришила пуговицу последним стежком и положила иглу.

— Поэтому книга не должна попасть к ним.

— Где она? — спросил Воронцов.

— Не знаю.

— Вчера на дне вашего портфеля остался след её размера.

— Я переносила книгу раньше, когда Краев попросил сверить записи.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Кто видел?

— Краев. Соня. Возможно, Павел.

— Почему не сказали вчера?

— Потому что вы спрашивали, была ли книга в портфеле в момент обыска. Не была.

Воронцов бросил быстрый взгляд на Дарью. Её собственные слова о точности, превращённой в способ молчать, вернулись чужим голосом.

— Сейчас спрашиваю прямо, — сказал он. — Вы взяли книгу из шкафа?

— Нет.

— Знаете, кто взял?

— Нет.

— Знаете, где она?

Вера выдержала паузу.

— Нет.

Третье «нет» прозвучало иначе. Не слабее, но медленнее.

Мария заметила.

— Вера?

— Я не знаю, где книга.

Она повторила уже для неё.

Дарья осмотрела кухню. Швейная машина, корзина ткани, узкая кровать за занавеской, полка с посудой. Спрятать тетрадь можно было в десятке мест. Искать без основания значило превратить чужой дом в продолжение музейного шкафа.

— Почему полное имя оказалось в ведомости? — спросила Дарья.

— Чтобы я не перепутала, кому отдаю, — ответила Вера.

— Ты сама составила лист?

— Да.

— Кто видел после тебя?

— Краев.

— Ракитин?

— Я не показывала.

— Но он мог прочитать в читальном зале.

Вера посмотрела на Мишу.

— Мог.

— Почему ты не сказала это вчера?

— Потому что вы уже смотрели на его рукав.

Дарья почувствовала, как Воронцов рядом перестал двигаться.

— Какой рукав? — спросил он.

Вера поняла ошибку.

— Он потянул руку. Катя спрашивала.
— Вы слышали?
— Все слышали у входа.
— Другой рукав вас не интересует?
— Не понимаю.
— Понимаете. В мастерской на металлическом крае нашли синие волокна. Пока мы не знаем, от чьей одежды.

Вера побледнела.

— У Виктора был синий пиджак?

— Вчера тёмный. Цвет в помещении мог казаться другим.

Мария сказала:

— Ракитин приносил деньги?

— Нет, — ответила Вера. — Решение принимал, но ходила я.

— Тогда откуда он знает адрес?

Никто не ответил.

Миша снова толкнул колесо. Оно покатилося к краю. Вера поймала.

— Я написала адрес в ведомости, — сказала она. — Он мог увидеть.

— А мог передать дальше, — ответила Дарья.

— Мог. Как и Краев. Как Павел. Как я.

— Павел погиб после того, как начал проверять.

— И теперь любое его сомнение станет истиной, потому что он не может ошибиться вслух.

Дарья хотела возразить, но вспомнила Воронцова: мёртвым свидетелям хочется доверять.

— Книга нужна, чтобы отделить помощь от списка членов, — сказала она.

— А если вы найдёте, отдадите следствию?

— Уже расследуется убийство.

— Это не ответ.

— Да. Отдам Воронцову как предмет дела.

Вера посмотрела на следователя.

— А потом?

— Потом буду доказывать только то, что в ней написано.

— Вы сможете помешать другим доказать больше?

Он не обещал.

Мария забрала у Миши колесо и положила в ящик.

— Уходите, — сказала она. — Все.

Вера поднялась вместе с ними.

— Ты останься, — сказала Мария.

— Но...

— Я хочу знать, что ещё ты решила за меня.

Вера села.

Дарья вышла в коридор. Дверь закрылась.

— Она знает, где книга, — сказал Воронцов на лестнице.

— Да.

— И вы позволили остаться.

— Мария имеет право спросить первой.

— Если книга исчезнет дальше?

— Тогда это будет моя ошибка.

— Вы легко берёте её на себя.

— Нет. Я просто не отдаю её Марии.

Воронцов ничего не сказал до улицы.

У ворот он поставил постового наблюдать за выходом, но не входить без приказа.

— Компромисс? — спросила Дарья.

— Проверка вашего решения.

7. Четыре цифры

Стёртую запись на обороте исследовали последней.

Нина поставила два зеркала. Одно направляло узкий луч почти параллельно поверхности, второе позволяло смотреть без тени от головы. Дарья закрепила лист по краям полосками тонкой бумаги, не касаясь места соскоба.

Сначала они увидели только борозды.

— Здесь писали твёрдым пером, — сказала Нина.

— Или карандашом?

— Нет. Карандаш оставил бы графит глубже в волокнах.

Первая цифра походила на единицу. Вторая могла быть девяткой или буквой. Третья — единица. Четвёртая — тройка, если верхняя дуга не была случайной царапиной.

— 1913, — сказала Соня.

— Не произноси раньше времени, — ответила Дарья.

— Но вы обе видите.

— Видим углубления, похожие на цифры.

Нина взяла тонкий лист кальки и, не накладывая на грамоту, зарисовала направление штрихов по отражению в зеркале. Потом перевернула рисунок.

Стало яснее.

1 9 1 3.

За цифрами шёл короткий знак. Возможно, буква «г». Возможно, начало слова, уничтоженного сильнее.

Дарья с такой силой прижала снимок пальцами, что Нина попросила её убрать руки с бумаги. Четыре цифры лежали на обороте всё время. Люди спорили о рыцарях, преемственности и тайных наставниках, хотя кто-то оставил дату в пределах жизни их родителей.

— Почему её стёрли? — спросила Соня.

— Потому что мешала 1782 году, — сказала Нина.

— Или потому что не относилась к тексту, — возразила Дарья.

Нина подняла глаза.

— Ты сейчас защищаешь грамоту?

— Защищаю порядок вывода.

— Павел был бы доволен.

— Павел был бы невыносим.

Соня улыбнулась впервые за два дня и тут же прикрыла рот.

Дарья тоже улыбнулась. Боль пришла после, но не уничтожила минуту.

Они составили описание. Не «дата изготовления». Не «подпись фальсификатора». Только: на обороте выявлены остаточные углубления, предположительно образующие последовательность «1913».

Воронцов прочитал.

— Этого достаточно, чтобы задержать Тарханова?

— Нет, — сказала Дарья.

— Чтобы не возвращать документ?

— Да. Потому что возможна связь с современным изготовлением и с работой погибшего.

— Хорошо.

Он подписал постановление об удержании грамоты как предмета, имеющего значение для расследования. Краев поставил музейную печать. Нина завернула лист в чистую бумагу и поместила между картонными крышками.

Соня принесла красный сургуч.

— Не надо, — сказала Нина. — Тепло рядом с документом.

— Тогда как опечатать?

— Печать на ленте, узел снаружи.

Они сделали именно так.

Когда всё было закончено, Дарья посмотрела на пакет. Теперь грамоту защищали от Тарханова, следствия, музея и их собственных рук.

— Где хранить? — спросил Краев.

Все посмотрели на шкаф, из которого исчезла книга.

— Не здесь, — сказал Воронцов.

Он забрал пакет под расписку.

8. Снимок

Фотографический аппарат принесли из соседнего института после шести.

Молодой лаборант по фамилии Фельдман обращался с ним осторожнее, чем Воронцов с подозреваемыми. Он проверил провод, лампу, расстояние до стола и потребовал убрать всех, кто не умеет стоять неподвижно.

Краев ушёл. Соня осталась у двери. Дарья держала журнал наблюдений. Нина руководила.

Сделали три снимка: при обычном свете, при косом и через синий фильтр. На проявление ушло сорок минут. Всё это время грамота лежала в закрытом пакете, а Фельдман рассказывал, как однажды профессор уничтожил подпись, решив, что больше света означает больше истины.

— И что увидели? — спросила Соня.

— Белое пятно. Подпись выгорела.

— Профессора уволили?

— Повысили. Он уже был достаточно известен, чтобы ошибку назвали методом.

Нина фыркнула.

Первый негатив не дал ничего нового. На втором борозды стали резче. На третьем участки чернил отличались по тону: основной текст выглядел почти ровным, исправления на полях — темнее. Стёртая запись оставалась без краски, но в одном месте сохранилась короткая полоска.

Фельдман увеличил участок.

— Здесь было не четыре знака, — сказал он. — После цифр ещё буквы.

— Какие?

— Не восстанавливаю. Видны только направления штрихов.

Нина сравнила с образцами дореформенных сокращений дат.

— Может быть «г.» — год. А может, начало фамилии.

Дарья положила рядом машинописную копию. На её обороте простым карандашом стоял инвентарный номер Тарханова: «13/Г».

— Похоже? — спросил Воронцов.

— Только тем, что есть тройка и буква, — сказала Дарья. — Этого мало.

— Вы сегодня особенно бережёте антиквара.

— Я берегу нас от удобного обвиняемого.

Фельдман вынул последний отпечаток из воды.

На верхнем поле грамоты проявился прямоугольный участок, не видимый глазу. Когда-то там лежала наклейка или печать. Клей изменил поверхность бумаги.

— Размер? — спросила Нина.

Дарья измерила.

— Три с половиной на два сантиметра.

Соня принесла конверт, в котором грамота поступила в музей. Внутри сохранилась старая фотография: документ лежал на столе Тарханова. На верхнем поле виднелась маленькая прямоугольная наклейка.

Нина поднесла к лампе.

— На ней цифры.

Увеличить снимок сразу не удалось. Фельдман забрал негатив и обещал сделать утром. Дарья записала положение наклейки и очертания.

— Её сняли до передачи Селезнёву, — сказал Воронцов.

— Или он снял сам, — ответила Нина.

— Клей старый, — сказал Фельдман. — Но когда отклеили, по снимку не определю.

Дарья посмотрела на пятно. Четыре цифры на обороте могли быть случайной хозяйственной пометой. Наклейка на лицевой стороне могла содержать прежний инвентарный номер. Вместе они показывали, что у листа была жизнь до грамоты — и кто-то старательно удалял её следы.

— Павел искал не автора текста, — сказала она. — Он восстанавливал путь бумаги.

— К кому? — спросил Воронцов.

— Пока к Тарханову.

Нина сняла перчатки.

— А до него?

Дарья посмотрела на фотографию.

Наклейка была ещё на месте, когда документ находился в лавке. Значит, Тарханов либо снял её сам, либо позволил сделать это человеку, которому отдал грамоту.

В обоих случаях он знал, что исчезло.

9. Письмо без даты

Перед закрытием Соня нашла в столе Селезнёва ещё один лист.

Он лежал внутри французской брошюры 1908 года, на странице с ошибочным переводом. Это была копия письма без подписи и даты. Бумага современная, чернила выпцвели неравномерно.

Текст занимал половину страницы:

«Дорогой Г. А. Если старый лист выдержит обработку, следует сохранить все естественные повреждения и не добиваться излишней ровности письма. Главное — происхождение бумаги. Текст всегда можно объяснить поздней копией с более раннего свидетельства».

Ниже другой рукой было приписано:

«Слишком опасно. Только для частного показа».

Воронцов прочитал и спросил:

— Г. А. — Глеб Аркадьевич?

— Возможно, — сказала Дарья.

— Других нет?

— В Москве обязательно найдётся другой Г. А.

Нина сравнила письмо с машинописной копией грамоты.

— Бумага обычная. Почерк первого автора мне незнаком. Вторая запись похожа на Тарханова, но это не заключение.

— Откуда лист у Павла?

Соня показала книгу.

— Брошюру принёс Тарханов вместе с грамотой. Павел мог найти письмо внутри.

— Или сам вложил после разговора, — сказал Воронцов.

Дарья перевернула лист. На обороте карандашом стояло: «Спросить о часах».

— Каких часах?

Никто не знал.

Краев напомнил о старинных часах в лавке Тарханова. Нина возразила: Павел словом «часы» иногда обозначал датировку. Соня пожала плечами — может, он попросту хотел на что-то взглянуть.

Три объяснения возникли быстрее факта.

Воронцов убрал лист в отдельный конверт.

— Завтра пойдём к антиквару.

— Мы? — спросила Дарья.

— Вы отличаете старую вещь от старой истории.

— А вы?

— Я отличаю человека, который хочет продать обе.

У ворот их ждал посыльный Тарханова. Он передал второй конверт, на этот раз лично Дарье.

Внутри было официальное требование вернуть грамоту и короткая записка без обращения:

«Селезнёв уже однажды ошибся, доверившись тем, кто обещал защитить имена. Не повторяйте его ошибки».

— Угроза? — спросила Соня.

Дарья перечитала.

— Предупреждение.

— Разница?

— Угроза обещает действие. Предупреждение утверждает, что действие уже началось.

Воронцов взял записку за края.

— Вы знаете, о какой ошибке речь?

— Нет.

— Тарханов знает про список?

— Не должен.

— После двух дней я перестал верить словам «не должен».

Дарья посмотрела на окно художественной мастерской. Вера сегодня не пришла. Книга получателей оставалась у неё или у человека, который хотел, чтобы думали на неё. Грамота лежала в следственном пакете. Павел был мёртв. И всё же самая опасная бумага могла быть не той, которую они охраняли.

Она перевернула записку.

В нижнем углу, почти стёртая пальцем, стояла цифра.

3.

Тот же нажим, та же форма верхней дуги, что на обороте грамоты.

Дарья ничего не сказала посыльному.

Только спросила:

— Кто писал?

— Глеб Аркадьевич продиктовал. Записывал приказчик.

— Как его зовут?

— Алексей Фомич.

— Он работает давно?

— С прошлого года.

Человек ушёл.

Воронцов смотрел на цифру.

— Совпадение?

— Возможно.

— Вы опять.

— Пока у нас одна цифра.

Нина закрыла ставни лаборатории.

— А на грамоте четыре.

1913 год ещё не доказывал, кто изготовил документ.

Но 1782-й больше не мог оставаться его единственным возрастом.

На улице уже зажгли фонари. Дарья и Воронцов вышли из музея вместе, не договариваясь. У ступеней стояла Катя Ракитина с пустой сеткой для книг.

— Отец здесь? — спросила она.

— Сегодня не приходил, — сказала Дарья.

Катя сжала ручки сетки.

— Я пришла не давать показания.

— Тогда зачем? — спросил Воронцов.

— Спросить, правда ли грамота поддельная. Отец прочитал записку Тарханова и сказал, что вы уничтожаете единственное доказательство.

— Доказательство чего? — спросила Дарья.

— Что мы не придумали всё сами.

— Старые тамплиеры существовали. Русская грамота не делает их реальнее.

— Я говорю не о старых.

Катя посмотрела на тёмные окна музея.

— Если документ новый, отец решит, что обязан защищать людей от правды. А он всегда защищает так, что потом никто не может выбрать сам.

— Кого он хочет защитить сейчас? — спросил Воронцов.

— Всех. Это самое опасное слово у него.

— А вас?

Катя усмехнулась.

— Меня в первую очередь. Даже когда я не прошу.

Она достала из сетки сложенный лист. Это был её вчерашний чертёж фермы. В одном узле красным карандашом стояла поправка Ракитина.

— Он нашёл ошибку ночью, — сказала Катя. — Не спал, пока не пересчитал. Вот такой он. Может проверить чужой расчёт до последней линии и поверить легенде, если она обещает порядок.

Дарья взяла чертёж.

— Исправление верное?

— Да.

— Значит, верни ему лист.

— Зачем?

— Чтобы он знал: одна ошибка не делает неверным всё остальное.

Катя посмотрела на неё внимательно.

— Вы это ему скажете про грамоту?

— Скажу только то, что смогу доказать.

— Поэтому Павел вам доверял.

— Он со мной спорил.

— Это у него было почти то же самое.

Она повернулась к воротам.

— Катя, — позвала Дарья.

Девушка остановилась.

— Если отец придёт поздно, не придумывай время за него. Просто запомни, когда увидишь.

Катя медленно кивнула.

— Теперь все часы будут против него?

— Нет. Пока часы только показывают время.

Она ушла.

Воронцов посмотрел на Дарью.

— Это вы ей или себе?

Дарья вынула из папки фотографию грамоты и накрыла ладонью весь текст, кроме четырёх цифр.

— Обоим. Завтра проверим 1782-й.

— А сегодня?

За воротами Катя догоняла отца.

— Сегодня не дадим этим цифрам выбрать виновного вместо нас.

ГЛАВА 4. 1782

Москва. Четверг, 28 августа 1930 года.

1. Девять минут

Книга, ради которой Дарья пришла к открытию читального зала, уже числилась выданной.

Библиотекарь посмотрел карточку, потом на часы и снова на карточку.

— В девять ноль три, — сказал он.

Было девять двенадцать.

— Кому?

— В отдел обработки.

— Зачем?

— На переплёт.

Дарья положила на стойку записку Селезнёва. На обороте было написано: «Wilhelmsbad, протоколы, решения о происхождении Ордена. Не пересказ». Ниже — шифр немецкого издания.

— Эту книгу не выдавали восемь лет. Сегодня, за девять минут до моего прихода, её понесли в переплёт.

— Корешок слабый.

— Вчера он был сильнее?

Библиотекарь нахмурился. Он не любил ни совпадений, ни людей, которые произносили их вслух.

Нина уже шла вдоль служебного коридора, читая таблички на дверях.

— Куда вы? — спросил он.

— В отдел обработки.

— Нельзя.

— Тогда ведите.

Библиотекарь успел обойти стойку, когда из дальнего прохода появился Воронцов. Он держал в руке разрешение, полученное до рассвета, и выглядел так, будто бюрократия сегодня первой совершила преступление против него.

— Можно, — сказал он.

В переплётной книге не оказалось.

На столе лежала квитанция. Принял издание молодой рабочий Серебряков, но сам Серебряков утверждал, что не видел его.

— Мне принесли карточку, — сказал он. — Я записал. Потом позвали вниз, воду перекрывать.

— Кто принёс? — спросил Воронцов.

— Не помню.

— Мужчина, женщина?

— Рука.

— Полезное описание.

— Через окошко подали. Манжет серый. Ногти в чернилах.

Дарья посмотрела на его пальцы. Они тоже были в клею и краске.

— Карточку сохранили?

Серебряков показал жестяную коробку. Карточка лежала сверху. На ней стояла подпись заведующего читальным залом.

Заведующий находился в отпуске.

Нина взяла карточку за угол.

— Подпись срисовали.

— Откуда знаете? — спросил Воронцов.

— Человек сначала вывел фамилию карандашом. Потом обвёл чернилами. Видите серый край у буквы «М»?

Серебряков побледнел.

— Я не обязан смотреть под лупой на каждую подпись.

— Нет, — сказал Воронцов. — Но теперь обязаны вспомнить руку.

Рабочий закрыл глаза.

— Манжет хороший. Не рабочий. И запах.

— Какой?

— Табак с чем-то сладким. В лавках так пахнет. Где старые шкафы.

— Антиквар? — спросила Нина.

Дарья не ответила. Слишком удобно.

Они разделились. Воронцов перекрыл выходы. Нина проверяла каталожные тележки. Дарья пошла туда, куда обычно не несут книгу, если хотят её украсть: в общий зал.

Столы заполнялись. Читатели снимали пальто, развязывали тесёмки папок, спорили шёпотом с библиотекарями. На последнем столе у окна сидел Виктор Ракитин. Перед ним лежали немецкий словарь, карандаш и тонкая тетрадь.

Книги не было.

— Вы рано, — сказал он.

— Вы тоже.

— Я не спал.

— Из-за грамоты?

— Из-за Кати. Она вернулась поздно и решила, что обязана защищать меня от ваших вопросов.

— Получилось?

— Нет. Она плохо умеет лгать.

Ракитин говорил спокойно, но карандаш в его руке переломился. Он посмотрел на две половинки, как на чужую ошибку.

— Вы искали протоколы Вильгельмсбадского конвента? — спросила Дарья.

Он поднял глаза.

— Кто сказал?

— Павел.

— Павел мёртв.

— Его записи — нет.

Ракитин отодвинул словарь.

— Я заказывал другое издание. Обзор немецких лож.

— Покажите требование.

— Вы следователь?

— Нет.

— Тогда почему я должен?

— Не должны.

Она отвернулась. У двери между рядами стояла тележка с книгами. Верхние были разложены корешками наружу. Нижняя лежала плашмя, прикрытая газетой. На тёмно-зелёном корешке виднелись потёртые золотые буквы: «Wilhelmsbad».

Дарья сняла газету.

Ракитин встал слишком быстро.

— Не трогайте.

В зале подняли головы.

— Почему?

— Корешок расходится.

Дарья не коснулась книги. Позвала Нину.

Та пришла с Воронцовым и библиотекарем. Осмотрела том на месте, подложила картон и только тогда перенесла на стол.

— Не украли, — сказал библиотекарь с облегчением.

— Спрятали среди выдачи, — возразил Воронцов. — Это ещё не возвращение.

Он спросил у Ракитина:

— Вы знали, что она здесь?

— Увидел, когда пришёл.

— Почему не сказали?

— Хотел прочесть раньше вас.

— Зачем?

Ракитин посмотрел на Дарью.

— Потому что вы ищите повод назвать всё ложью. А я хотел увидеть, что именно Павел успел испортить своим сомнением.

— Павел ничего не портил, — сказала она.

— Он умер, и теперь ему удобно быть всегда правым.

Воронцов взял карточку заказа Ракитина. На ней действительно значился другой том.

— Книгу спрятали не для вас, — сказал он. — Но вы решили воспользоваться.

— Да.

— Это признание или привычка?

— Точность.

Нина раскрыла книгу на вклеенном листке. Кто-то заложил страницу полоской синей бумаги.

На полях напротив даты конвента стояла свежая карандашная черта.

Дарья увидела: 16 июля — 1 сентября 1782 года.

Число на грамоте было не просто красивой древностью. Кто-то выбрал год, в котором решалось, имеет ли орден право считать себя продолжением тамплиеров.

И очень не хотел, чтобы они прочли решение.

2. Конвент

К полудню они заняли маленькую комнату у каталога.

Книгу положили на подставку. Нина следила, чтобы никто не распрямлял корешок силой. Ракитину разрешили остаться: он читал немецкий быстрее всех и уже доказал, что от двери его удерживает только запёртая дверь.

Воронцов сел напротив.

— Переводите вслух.

— Я не ваш служащий.

— Тогда будете моим свидетелем.

— Это хуже оплачивается.

— Зато дольше помнят.

Дарья нашла в указателе раздел о Строгом соблюдении. В книге говорилось о системе барона фон Хунда, о «неизвестных высших», о претензии на преемство средневекового Храма. Формулировки были тяжёлыми. Каждая пыталась втиснуть в одно предложение съезд, спор и осторожное отступление людей, не желавших называть вчерашнюю веру ошибкой.

Ракитин перевёл первый абзац.

— «Братья признали недостаточность исторических оснований для прямого происхождения от ордена Храма».

Он замолчал.

— Дальше, — сказала Дарья.

— Дальше рассуждение о преобразовании системы.

— Вслух.

— Вы умеете читать по-немецки.

— Медленнее вас.

Ракитин продолжил. На конvente не уничтожили братства, не запретили ритуалы, не объявили всех участников обманщиками. Они отказались от доказанного прямого наследования. Именно от того, что грамота обещала русским хранителям: непрерывной цепи от тамплиеров к их московскому кругу.

Нина положила рядом фотографию текста.

— Здесь написано: «после общего решения братьев в Вильгельмсбаде».

— Верно, — сказал Ракитин.

— И дальше русский Орден Света принимает хранение того, от чего остальные отказались.

— Не отказались. Изменили форму.

— От прямой преемственности отказались?

— Формально.

— Исторически?

Он не ответил.

Дарья провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

— Автор грамоты знал, почему 1782 год удобен. Он поставил русскую ветвь в щель между старой легендой и новым решением. Все остальные сомневаются, а эти якобы сохраняют тайное продолжение.

— Так и могло быть, — сказал Ракитин. — Решение собрания не управляет каждым человеком.

— Могло. Но грамота не доказывает, что было.

— Потому что вам не нравится бумага?

— Потому что её текст пользуется словами из книги, напечатанной через сто с лишним лет.

Ракитин откинулся.

— Ошибка перевода не отменяет содержания.

— Какого содержания? — спросил Воронцов.

— Что в России были люди, для которых служение важнее признания.

— Для этого им нужна поддельная дата?

— Им нужен корень.

— Дереву — да. Человеку корень иногда нужен, чтобы привязать к нему другого человека.

Дарья подняла голову. Воронцов редко говорил длиннее вопроса. Ракитин это тоже заметил.

— Вы видите в любой связи средство давления, — сказал он.
— Я вижу убитого человека и пропавшую книгу с адресами.
Комната стала теснее.
Ракитин посмотрел в окно.
— Я не брал книгу.
— Я не спрашивал.
— Вы спросили всё остальное так, чтобы это услышать.
Дарья закрыла фотографию листом картона.
— Павел написал «не пересказ». Значит, кто-то уже приносил ему удобную версию Вильгельмсбада. В ней конвент будто бы тайно поручил русским продолжить дело тамплиеров.
— Таких версий много, — сказал Ракитин.
— Кто принёс?
— Не знаю.
Нина подвинула к нему синюю закладку.
— Бумага музейная. Из нашей художественной комнаты.
Ракитин не коснулся полосы.
— Там работает Вера.
— И ещё девять человек, — сказала Дарья.
— Но подозреваете вы её.
— Я подозреваю человека, который знал шифр книги.
— Его знали все, кому Павел читал свои записи вслух.
— Он читал?
— Когда сердился. А в последнюю неделю он сердился постоянно.
— На кого?
Ракитин посмотрел на страницу с решением конвента.
— На тех, кому его экспертиза позволила бы решать за других.
— Имена.
— Я не слышал.
Воронцов медленно закрыл блокнот.
— Тогда зачем вы здесь с девяти утра?
Ракитин ответил не сразу.
— Чтобы понять, чего он испугался.
— Поняли?
— Нет. Поддельная грамота не страшна. Она только унижительна.
Дарья смотрела на него. Он перестал подбирать слова в защиту Ордена и заговорил о собственном страхе.
Нина перевернула страницу. В переплёте хрустнул клей.
Из сгиба выпал узкий листок.
На нём рукой Селезнёва были написаны четыре фамилии. Три зачёркнуты. Четвёртая осталась:
«Тарханов».
Рядом — одно слово:
«Платил».

3. Два перевода

Первый перевод решения конвента нашёлся в дореволюционном журнале. Второй — в брошюре, из которой автор грамоты взял выражение о «братьях Севера».

Тексты разошлись в одном глаголе.

В раннем переводе участники «отвергли» притязание на прямое наследство Храма. В позднем — «оставили без общего признания».

— Второе мягче, — сказала Соня.

Она принесла из музея карточки и бутерброды, завёрнутые в вчерашнюю газету. Никто не признался, что забыл поесть.

— Второе позволяет сказать, что тайное меньшинство сохранило истину, — ответила Дарья.

— А первое?

— Первое мешает.

Ракитин взял брошюру.

— Переводчик мог просто точнее передать оттенок.

— Мог, — сказала Нина. — Но в грамоте повторена поздняя формула, вплоть до порядка слов.

Соня нашла страницу и присвистнула.

— Даже запятая там же.

— Запятая ничего не доказывает, — сказал Ракитин.

— Одна — нет. Пять — начинают разговаривать.

Дарья выписала совпадения. Не для того, чтобы прибавить их к красивому выводу, а чтобы потом можно было вычестить любое ошибочное.

Воронцов ушёл проверять платежи. Перед уходом он велел не выпускать Ракитина из комнаты без него.

— Я не задержан, — заметил тот.

— Поэтому дверь не запираю.

— А если выйду?

— Узнаем, что вам важнее книги.

Когда он ушёл, Ракитин действительно поднялся.

Дарья ничего не сказала.

Он дошёл до двери, постоял и вернулся.

— Довольны?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы хотели уйти.

— Я хотел, чтобы вы меня остановили.

— Зачем?

— Тогда было бы проще вас ненавидеть.

Соня перестала жевать.

Нина не подняла головы от лупы.

Дарья спросила:

— А сейчас сложно?

— Сейчас приходится слушать.

Он сел.

Они работали ещё час. Постепенно грамота переставала быть тайным посланием и становилась монтажом. Старое название. Поздний перевод. Реальное решение. Выдуманное исключение. Автор не создавал легенду из ничего; он ставил настоящие камни так, чтобы они вели к придуманной двери.

— Умный человек, — сказала Соня.

— Начитанный, — поправила Нина.

— Это не одно?

— Нет. Начитанный знает, где лежит чужая мысль.

Ракитин неожиданно улыбнулся.

— Павел говорил так же.

— Павел говорил резче, — сказала Дарья.

— Павел любил резкость, пока она не касалась его.

— Что его касалось?

Улыбка исчезла.

— Он обещал людям, что список останется внутри круга. Потом решил показать его вам.

— Откуда знаете?

— Он спрашивал, можно ли отделить тех, кто получает помощь, от тех, кто её передаёт.

— Когда?

— В субботу.

Дарья ощутила, как меняется вес фразы. За день до убийства Павел уже искал способ раскрыть одно, не открывая другого.

— Что вы ответили?

— Что нельзя. Любая цепь выдаёт обе стороны.

— И он?

— Сказал: «Тогда придётся довериться одному человеку».

— Кому?

— Не назвал.

Соня положила бутерброд обратно на бумагу.

— Вам?

— Если бы мне, я бы знал, где книга.

— Может, знаете.

— Тогда зачем сидел бы здесь?

— Чтобы мы спросили именно это, — ответила Соня.

Ракитин посмотрел на неё с новым уважением.

В коридоре послышались быстрые шаги. Катя вошла, не постучав. Волосы у неё выбились из-под косынки, на ладони темнело чернильное пятно.

— Отец, тебя ищут в мастерской. Там сорвало крепление на раме.

Она увидела книгу, Веру не увидела и заметно успокоилась.

— Вы его держите?

— Он держится сам, — сказала Дарья.

— Я могу починить раму, — ответил Ракитин.

— Можешь. Но Краев сказал, что без тебя нельзя трогать расчёт.

— Краев многое говорит, когда хочет переложить решение.

Катя положила на стол лист. Это был план подвесной конструкции выставочного зала. Одна стойка обведена красным.

— Если рухнет, заденет витрину с рукописями.

Ракитин уже смотрел только на чертёж.

Он тотчас выровнял стопку бумаг и принялся считать. Дарья уже знала этот его способ не оставаться наедине с тревогой.

— Идите, — сказала она.

— Воронцов запретил.

— Я отвечу.

Ракитин сложил чертёж.

— Вы не знаете, за что берёте ответственность.

— Сегодня все говорят мне именно это.

Он вышел с Катей.

Соня дождалась, когда дверь закроется.

— А если сбежит?

— Он пойдёт спасать раму.

— Откуда уверенность?

Дарья посмотрела на оставленный немецкий словарь.

— Потому что человек берёт с собой вещь, когда собирается бежать.

Нина покачала головой.

— Или оставляет её нарочно.

Дарья вздохнула.

— Спасибо.

— Для этого и нужна наука.

4. Пятьдесят рублей

Воронцов вернулся с двумя квитанциями и человеком из кооперативной кассы.

Человек промок под дождём и был раздражён больше, чем напуган. Его звали Семён Ильич. Он помнил Тарханова потому, что тот платил старыми крупными купюрами и каждую расправлял ногтем.

— Двадцать рублей в июне, тридцать в августе, — сказал Воронцов. — Получатель Селезнёв.

— За работу, — сказал Семён Ильич. — Так указано.

— Какую?

— Экспертиза частного собрания.

— Грамоты?

— Не написано.

— Кто оформлял?

— Я.

— Тарханов присутствовал?

— Во второй раз.

— Они спорили?

Семён Ильич вытер мокрый лоб.

— В кассе все спорят. Деньги делают человека точным.

— О чём именно?

— Селезнёв не хотел брать тридцать. Говорил, работа не закончена. Тарханов сказал: «Вы уже нашли достаточно, чтобы мне стало дороже».

Дарья попросила повторить.

— Так и сказал. Я подумал, вещь подорожала.

— Или проблема, — заметила Нина.

— Проблемы обычно дорожают сами.

Воронцов положил перед ним фотографию антиквара.

— Он?

— Он.

— Был один?

Семён Ильич прищурился.

— Сначала один. Потом подошёл высокий мужчина. Не к окошку, за спиной стоял.

— Лицо?

— Не видел. Он шляпу не снял.

— Ракитин?

Дарья резко посмотрела на Воронцова.

Кассир пожал плечами.

— Не знаю этого. Высоких много.

— Что сказал?

— Ничего. Когда Селезнёв взял деньги, ушёл первым.

Воронцов не стал вытягивать из неопределённости фамилию. Записал рост, серое пальто, дату — шестнадцатое августа.

— Подпись получателя настоящая? — спросила Дарья.

Она знала ответ, но хотела услышать от человека, который видел руку.

— При мне расписался.

— Значит, Тарханов его не покупал тайно, — сказала Нина. — Провёл платёж через кассу.

— Открытый платёж тоже покупает, — ответил Воронцов.

— Но не выглядит платой за молчание.

— Иногда именно поэтому её проводят открыто.

Семён Ильич снова вытер лоб.

— Я могу идти?

— Ещё вопрос. Селезнёв куда положил деньги?

— В конверт.

— Свой?

— Нет. У него уже был подписан: «М. Р. — дрова».

Дарья узнала инициалы Марии Рожковой.

Павел не оставил себе ни рубля.

Воронцов тоже понял.

— Вы уверены?

— Я ещё подумал: странный человек. Получает за старую бумагу, а пишет про дрова.

После ухода кассира Дарья села. Сведения не оправдывали Павла и не обвиняли Тарханова. Они только делали деньги человеческими.

— Мария получила тридцать? — спросил Воронцов.

— Четыре в начале недели. Остальное Павел, вероятно, распределил между другими.

— Через пропавшую книгу.

— Через людей из неё.

Нина посмотрела на квитанцию.

— Значит, Тарханов платил за исследование, а Павел превращал плату в помощь. Если антиквар хотел остановить работу, ему достаточно было перестать платить.

— Он мог захотеть вернуть уже найденное, — сказал Воронцов.

— Или узнать, кому Павел рассказал.

Дарья вспомнила записку: «ошибся, доверившись тем, кто обещал защитить имена».

— Нам нужен договор, — сказала она.

— Его нет в бумагах Селезнёва.

— Значит, у Тарханова.

— Завтра получим разрешение на осмотр лавки.

— До завтра он уберёт всё.

— Если ещё не убрал.

Дарья встала.

— Тогда пойдём покупать часы.

5. Часы

Лавка Тарханова находилась в дождливом переулке. За закрытой витриной стояли часы: одни без стрелки, другие без стекла. Все показывали разное время.

— Очень удобно для алиби, — сказал Воронцов.

— Мы не на обыске.

— Поэтому вы покупатель.

— А вы?

— Человек, который не умеет выбирать подарки.

Тарханов открыл сам. Его взгляд задержался на удостоверении Воронцова, потом на Дарье.

- Грамоту вы не принесли.
- Мы пришли за часами, — сказала она.
- Какими?
- О которых спрашивал Селезнёв.
- Антиквар не изменился в лице. Только придержал дверь дольше, чем требовалось.
- Павел Андреевич спрашивал о многих вещах.
- На его записке: «Спросить о часах».
- Тогда спросите.

В лавке тикало не меньше двадцати механизмов. Звуки не совпадали и потому не складывались в единый ритм. За прилавком приказчик Алексей Фомич перебирал счета. На его правой руке темнели чернила, манжет был серым.

Дарья посмотрела на Воронцова. Тот едва заметно качнул головой: не спешить.

Тарханов снял с полки небольшие часы в ореховом корпусе.

- Эти Павел осматривал последними.
- Почему?
- Потому что я попросил определить возраст корпуса.
- Вы сами не могли?
- Мог. Но хороший торговец платит за второе мнение, когда первое приносит прибыль.
- Он поставил часы на зелёное сукно.
- Корпус восемнадцатого века. Механизм заменён лет сорок назад. Циферблат ещё позднее.

— Подделка? — спросил Воронцов.

— Нет. Вещь жила.

— Удобная формула.

— Точная. Подделка притворяется цельной. Эти часы ничего не скрывают от человека, который умеет смотреть.

Дарья заметила в нижней дверце две старые петли и свежий винт. На внутренней стороне корпуса карандашом стояло «1913».

- Эта дата что означает?
- Тарханов прикрыл дверцу.
- Ремонт.
- Кем?
- Не знаю.
- Селезнёв спрашивал о ней?
- Да.
- И о грамоте?
- Нет.

Слишком быстрый ответ. Воронцов подошёл к прилавку.

- У вас есть договор с Селезнёвым?
- Есть счета.
- Покажите.
- Завтра, с надлежащим разрешением.
- К завтрашнему дню чернила высохнут на любом новом счёте.

Алексей Фомич перестал перебирать бумаги.

Тарханов улыбнулся.

- Следователь вправе подозревать. Но не вправе превращать подозрение в обыск.
- А покупатель вправе уйти, — сказала Дарья.

Она направилась к двери. На полпути одни из часов пробили четыре. За ними вторые — три. Третьи молчали.

Приказчик невольно посмотрел на занавеску в глубине лавки.

Дарья тоже посмотрела.

За занавеской что-то тихо щёлкнуло.

Не механизм. Замок.

Воронцов услышал.

— У вас кто-то есть?

— Мастер, — сказал Тарханов.

— Позовите.

— Он плохо слышит.

— Тогда не помешаем.

Тарханов встал между ним и занавеской.

Это было первое неосторожное движение, которое он сделал при них.

— Сегодня лавка закрыта.

— Мы уже внутри.

Сзади хлопнула дверь.

Воронцов отдёрнул занавеску. За ней находилась мастерская и выход во двор. Дверь качалась. По мокрым доскам крыльца тянулись свежие следы.

Он бросился наружу.

Дарья осталась. Тарханов не побежал и не позвал приказчика. Он только снял очки и протёр их.

— Кто ушёл? — спросила она.

— Человек, который не хотел встречаться со следователем.

— Это описание половины Москвы.

— Поэтому оно безопасно.

Алексей Фомич опустил голову.

На рабочем столе за занавеской лежали обрезки старой бумаги, перья и баночки пигмента. Для антикварной мастерской всё было естественно. Рядом стоял приоткрытый деревянный ящик.

Дарья не прикоснулась.

В щели виднелся угол папки с цифрой 13.

Тарханов заметил её взгляд и закрыл ящик ладонью.

— Завтра, — сказал он.

— Если папка будет здесь.

— Будет.

— Почему я должна верить?

— Потому что вы уже решили: я изготовил грамоту. Если папка исчезнет, вы решите ещё и что я убил Селезнёва. Мне невыгодно помогать вам ошибаться так быстро.

Воронцов вернулся один. В руке у него была мокрая шляпа, поднятая во дворе.

— Ушёл через соседний подъезд.

Он показал шляпу Тарханову.

— Чья?

— Не знаю.

Алексей Фомич тихо сказал:

— Его звали Фёдор.

— Фамилия?

— Не назвал.

Дарья сразу спросила:

— Корнеев или Рожков?

— Не знаю. Молодой. Приходил за бумагами Глеба Аркадьевича.

Фёдор Корнеев был помощником Кудинова. Фёдор Рожков — получателем помощи и братом Марии. Один имел доступ к мастерской, другой — к списку нуждающихся.

— Как выглядел? — спросил Воронцов.

Приказчик описал невысокого человека с узким лицом и светлыми волосами.

Это не подходило ни к одному.

Третий Фёдор возник слишком вовремя.

— Он мог назвать чужое имя, — сказала Дарья.

— Наконец разумная мысль, — ответил Тарханов.

Воронцов завернул шляпу в газету.

— Лавку опечатаем до утра.

— Не имеете права.

— Дверь мастерской — имею. Через неё ушёл возможный свидетель по делу об убийстве.

— Вы не знаете, кто он.

— Поэтому и возможный.

Тарханов посмотрел на ящик с папкой. Потом на часы в ореховом корпусе.

— Если ваши люди повредят вещи, я запишу каждую царапину.

— Хорошо, — сказала Дарья. — Мы тоже.

6. Не тот Фёдор

Фёдора Корнеева нашли в мастерской Кудинова через час. Он чинил церковную книгу и был без манжет. Фёдор Рожков разгружал дрова на другом конце города. У обоих были свидетели. Ни один не был светловолосым.

— Значит, имя выдуманно, — сказал Воронцов.

— Или Алексей Фомич защищает настоящего, — ответила Дарья.

Они стояли под навесом во дворе переплётной. Дождь усилился. Внутри Кудинов ругал ученика за слишком густой клей. Обычная работа продолжалась в комнате, где четыре дня назад умер человек.

Дарья не могла привыкнуть к этому быстрее, чем высыхала кровь под половицами.

Корнеев вынес им старую папку заказов.

— Тарханов бывал здесь весной, — сказал он. — Приносил часы и бумаги. Часы Павел не любил.

— Почему?

— Говорил: у часов хотя бы стрелки признаются, что движутся. А бумага делает вид, будто всегда была такой.

— Что за бумаги?

— Купчие, письма. Иногда пустые листы из разобранных книг.

— Зачем пустые?

— Подклеивать утраты.

— Или писать новое старым, — сказал Воронцов.

Корнеев посмотрел на него.

— Можно. Только мастер увидит.

— Павел увидел?

— Наверное.

— Что случилось после?

— Они поссорились.

— Когда?

— В четверг. Тарханов сказал, что Павлу платят не за проповедь. Павел ответил, что ему платят за происхождение вещи, а оно ведёт в тринадцатый год.

— Ты слышал цифры?

— Да. Ещё подумал — в каком тринадцатом? Потом Павел сказал: «В тысяча девятьсот тринадцатом вы были моложе, но не честнее».

Дарья и Воронцов переглянулись.

— Что ответил Тарханов?

— Очень тихо. Не разобрал. Потом ушёл.

— С угрозой?

— Нет.

— Вернулся в воскресенье?

— Я ушёл до семи. Не знаю.

Кудинов появился в дверях.

— Он не возвращался при мне.

— Вы были до которого часа?

— До половины девятого.

— А Селезнёв умер позже или раньше, пока не установлено точно, — сказал Воронцов.

Кудинов вытер руки о фартук.

— Вы хотите, чтобы я вспомнил шаги четырёхдневной давности. Здесь весь дом ходит.

Дарья спросила:

— Синий пакет с книгой вы видели?

— Нет.

— А папку номер тринадцать?

Корнеев поднял голову.

— У Тарханова?

— Почему решили, что у него?

— Павел называл её «тринадцатой». Говорил, там начало всей истории.

— Что в ней?

— Не показывал. Сказал только, что настоящая вещь внутри одна.

— Грамота?

— Нет. Бумага.

— Какая разница?

Корнеев осторожно закрыл книгу, которую держал.

— Для переплётчика большая. Бумага может быть настоящей. То, что на ней написано, — нет.

Воронцов записал слово в слово.

Дарья посмотрела на пустое место у шкафа. Синий пакет оставался за тяжёлым шкафом, в нескольких пальцах от чужой руки, но они этого не знали. Они видели только след на полу и отсутствие.

— Павел говорил, кто сделал надпись?

— Нет. Один раз сказал: «Антиквар продал не вещь. Он продал ей возраст».

— Кому?

— Не знаю.

Снаружи кто-то пробежал по двору. Воронцов обернулся раньше всех.

Это был Миша.

Он промок насквозь и прижимал к груди хлеб, завернутый в ткань.

— Мама велела домой, — сказал он Дарье.

— Мне?

— Нет. Мне. Но я сначала сюда.

— Зачем?

Он протянул маленькую квитанцию.

— Павел Андреевич дал в субботу. Сказал, если с ним что-нибудь случится, отнести в музей. Я забыл.

— Почему вспомнил?

— Мама нашла в кармане, когда сушила куртку.

На квитанции значился заказ камеры хранения на Курском вокзале. Срок истекал сегодня вечером.

Воронцов взял мальчика за плечи.

— Ты никому не показывал?

— Маме.

— Ещё?

Миша покачал головой, потом замер.

— Один человек спросил, что у меня в руке.

— Где?

— У ворот. Я сказал — хлеб.

— Какой человек?

— Без шляпы. Светлые волосы.

Тот, кто ушёл из лавки, уже знал, что мальчик несёт что-то от Селезнёва.

До закрытия камеры хранения оставалось сорок минут.

7. Камера хранения

Они не стали ждать автомобиль.

Воронцов остановил извозчика, посадил Мишу между собой и Дарьей и назвал сумму, после которой лошадь внезапно вспомнила молодость.

Дождь резал лицо. Трамвай застрял на перекрёстке. Извозчик свернул в переулок, едва не снёс тележку с капустой, выслушал проклятия и ответил ещё точнее.

— Он видел, куда ты пошёл? — спросила Дарья.

— Я побежал через двор.

— Ты уверен, что оторвался?

— Нет.

Честность мальчика пугала сильнее уверения.

У вокзала толпа двигалась сразу во все стороны. Громкоговоритель хрипел о задержанном поезде. На плитах блестела вода, пахло углём, мокрой одеждой и дешёвым табаком.

Камера хранения находилась в боковом зале. Перед окошком стояли шесть человек. Воронцов показал удостоверение. Трое возмутились, один уступил, двое сделали вид, что не заметили.

Служащая взяла квитанцию.

— Ящик семьдесят четыре.

Она ушла за перегородку.

Миша дёрнул Дарью за рукав.

— Там.

Светловолосый мужчина стоял у выхода. Без шляпы. Узкое лицо, мокрые виски. Увидев мальчика, он повернулся.

— Воронцов.

Следователь уже двигался. Мужчина толкнул носильщика, перескочил через чемодан и побежал к платформам.

Воронцов — за ним.

Дарья хотела последовать, но за перегородкой что-то упало. Служащая вскрикнула.

Она метнулась внутрь.

Дверь в кладовую была открыта. Второй человек в рабочей куртке тащил с полки плоский деревянный ящик. Увидев Дарью, он бросил его.

Ящик ударился углом о пол. Крышка треснула.

Человек рванул к служебной двери.

Дарья схватила его за куртку. Ткань выскользнула. Он ударил локтем, попал ей в плечо. Она отшатнулась, но успела подставить ногу. Мужчина упал на колени, вскочил и вылетел в дождь.

Миша появился в дверях с деревянной шваброй.

— Стойте!

— Назад!

Он не послушался. Замахнулся слишком широко. Мужчина перехватил древко, дёрнул на себя. Миша полетел вперёд.

Дарья ударила нападавшего дверью. Его кисть оказалась между створкой и косяком. Он заорал, выпустил швабру.

Подбежали двое носильщиков. Один прижал его к стене, второй вывернул целую руку.

— Миша?

Мальчик сидел на полу и смотрел на содранную ладонь.

— Я не плачу.

— Вижу.

Он плакал молча.

Дарья опустила рядом, проверила пальцы, локоть, голову. Всё двигалось. Кровь шла только из ладони.

Служащая вернулась с железным совком, который держала как оружие.

— Это он меня толкнул.

— Закройте наружную дверь.

Мужчина перестал вырываться, когда увидел удостоверение прибежавшего милиционера.

— Я за своим ящиком.

— С квитанцией на имя Селезнёва? — спросила Дарья.

— Перепутал.

— Номер знали точно.

Он замолчал.

Воронцов вернулся через несколько минут один. Дышал тяжело, на щеке была грязь.

— Ушёл на путях.

Он увидел задержанного.

— Зато второй остался.

В ящике лежали не грамота и не книга получателей. Там были четыре пачки писем, счётные карточки и старый кожаный футляр без содержимого.

Сверху — записка Павла:

«Если я ошибаюсь, верните Тарханову. Если нет — сначала установите, кому он это показывал».

— Что именно? — спросил Воронцов.

Дарья открыла первую пачку. Письма касались покупок старой бумаги, пустых листов из повреждённых книг, копирования почерков и состава чернил. Даты шли от 1912-го до весны 1914 года.

Вторая пачка содержала счета. Третья — фотографии частных собраний. В четвёртой лежали письма людей, просивших Тарханова подтвердить благородное происхождение семейных реликвий.

Кожаный футляр подходил по размеру к часам из лавки.

Нина, добравшаяся позже на автомобиле, осмотрела треснувшую крышку ящика, потом письма.

— Здесь нет самой вещи, — сказала она.

— Есть происхождение, — ответила Дарья.

На дне лежал лист с французским заголовком. Почерк был знаком по письму из брошюры. Текст описывал «русскую грамоту хранителей Света», якобы составленную после Вильгельмсбада. Дата — 1782 — была вписана над строкой. Рядом карандашом: «Слишком прямо. Нужна частная, не общественная легенда».

Ниже стояли инициалы: «Г. А.».

Воронцов прочитал записку Павла ещё раз.

— Он вынес бумаги от Тарханова?

— Или Тарханов дал их на исследование, — сказала Дарья.

Задержанный вдруг засмеялся.

— Всё равно поздно.

Воронцов повернулся.

— Для чего?

— Глеб Аркадьевич уничтожит остальное.

— Он вас послал?

Человек понял, что сказал слишком много, и закрыл рот.

— Как зовут?

— Фёдор.

— Фамилия?

— Какая вам нравится.

Миша перестал смотреть на ладонь.

— Это не тот.

— Кто?

— У ворот был другой. Светловолосый.

Задержанный был тёмным.

Двое в лавке. Двое на вокзале. Один уводил погоню, другой шёл к ящику.

Случайное бегство превращалось в действие, подготовленное заранее.

Воронцов отдал распоряжение усилить пост у лавки.

Дарья подняла лист с датой.

Теперь 1782 год имел цену, черновик и людей, готовых ударить ребёнка ради бумаг о его происхождении.

Но всё ещё не имел доказанного автора.

8. То, что не купили

Марию нашли в приёмном покое.

Она сидела рядом с Мишей, пока фельдшер промывал ладонь. Мальчик морщился, но не издавал ни звука. Мария не сводила глаз с пальцев фельдшера и всё теснее сжимала ручку сумки.

— Ты должен был идти домой, — сказала Мария.

— Я пошёл.

— Через вокзал?

— Через Дарью Сергеевну.

— Это не место.

Миша посмотрел на Дарью с надеждой, что она объяснит взрослую географию. Она не стала.

— Он принёс важную квитанцию, — сказала она.

— Я вижу, что важную.

Мария не дотронулась до повязки. Посмотрела ему в лицо, встала и отошла к окну.

— Павел всё делал так, будто людям станет легче, если они не знают опасности.

— Он хотел защитить вас.

— От чего? От человека, который спрашивает ребёнка у ворот, что у него в руке?

Дарья не нашла ответа.

Мария достала из кармана четыре рубля и положила на подоконник.

— Возьмите.

— Зачем?

— Это его деньги. Из-за них нас записали.

— Вас записали не из-за денег.

— Тогда из-за чего?

— Потому что Павел считал, что помощь нельзя превращать в милость. Он вёл учёт, чтобы каждый получил столько, сколько обещано.

— А теперь этот учёт ищут.

— Да.

— Значит, бумага оказалась важнее обещания.

Миша спрыгнул с кушетки.

— Не отдавай.

— Молчи.

— Он мне книги дал.

— Кто?

— Павел Андреевич. Сказал, если учиться, потом никто не сможет решить за меня, что я должен быть бедным.

Мария закрыла глаза.

Фельдшер завязал бинт и велел беречь руку. Миша кивнул так серьёзно, будто получил должность.

Дарья взяла деньги с подоконника и вернула Марии.

— Тарханов заплатил Павлу пятьдесят рублей. Он мог купить исследование. Не мог купить то, что Павел сделал с деньгами.

— А если купил его смерть?

— Тогда мы это докажем.

— А если не докажете?

Вопрос прозвучал без вызова.

— Тогда он не станет убийцей только потому, что нам так удобнее.

Мария убрала деньги.

— Ненавижу правильные ответы.

— Я тоже.

— Они ничего не возвращают.

Миша взял мать здоровой рукой.

— Зато дрова вернут.

Мария рассмеялась и сразу заплакала. Прижала его к себе, осторожно, чтобы не задеть бинт.

Дарья вышла в коридор.

Воронцов ждал у двери. Он слышал всё и делал вид, что читал протокол.

— Мальчик не должен был ехать, — сказал он.

— Знаю.

— Вы не могли знать о втором человеке.

— Знаю.

— Это не оправдание.

— Знаю.

Он убрал протокол.

- Тогда договорились.
- О чём?
- Больше не делать из ребёнка курьера.
- Я не делала.
- Павел сделал. Но отвечать теперь нам.

Дарья посмотрела через стекло двери. Мария завязывала Мише косынку на шее одной рукой, другой держала его слишком крепко.

- В ящике нет книги, — сказала она.
- Нет.
- И нет имени человека, которому Павел хотел довериться.
- Есть Тарханов.
- Есть деньги, бумаги и папка. Не смерть.
- Завтра узнаем больше.
- Если он не сожжёт.

Воронцов показал ей записку от постового. Лавка закрыта, обе двери опечатаны, Тарханов и приказчик остались внутри добровольно, чтобы не оставлять вещи без присмотра.

- Он не бежит, — сказал Воронцов.
- Потому что уверен в том, что мы найдём.
- Или в том, чего не найдём.

9. Год без доказательства

В музей вернулись после десяти.

Ракитин действительно починил раму. Катя спала на двух сдвинутых стульях, положив под щеку свёрнутый чертёж. Соня печатала опись вокзального ящика двумя пальцами. Каждый удар машинки звучал отдельным обвинением.

- Краев прочёл первые строки и снял очки.
- Если эти бумаги станут известны, у музея будут неприятности.
- У музея уже убит сотрудник, — сказала Дарья.
- Я говорю о людях, передавших вещи на хранение. Они испугаются изъятий.
- Это не музейное собрание.
- Для испуга разница мала.

Воронцов поставил на стол футляр.

- Узнаёте?

Краев осмотрел тиснение.

- Видел у Тарханова. В нём он приносил часы на выставку пять лет назад.
- Те же часы?
- Не уверен.
- Кто ещё видел содержимое?
- Половина комиссии.
- И Ракитин?
- Наверное.

Ракитин стоял у окна. Услышав фамилию, не обернулся.

- Я видел футляр, — сказал он. — В нём были дорожные часы французской работы.
- На внутренней дверце дата 1913, — сказала Дарья.

Он всё-таки повернулся.

- И что?
- Та же дата была стёрта с грамоты.
- Тысячи вещей ремонтировали в 1913 году.
- А черновик легенды о русской грамоте лежал среди переписки Тарханова за 1912–

1914 годы.

Катя проснулась. Не подняла головы, только открыла глаза.

— Вы нашли доказательство? — спросила она.

Дарья ответила ей, не Ракитину:

— Нашли, что легенду составляли в то время. Ещё не знаем, кто написал грамоту.

— Но знаете, что она новая.

— Текст — почти наверняка.

— А люди?

— Какие люди?

Катя села.

— Те, кто верил. Они тоже теперь поддельные?

Ракитин шагнул к ней.

— Пойдём домой.

— Я спросила не тебя.

Дарья присела рядом.

— Если человек помогал другому из-за выдуманной истории, помощь не исчезает.

— А обман?

— Тоже.

— Можно оставить одно и выбросить другое?

— Не сразу.

Катя посмотрела на отца.

— Ты знал про 1913 год?

— Нет.

— Про Тарханова?

— Знал, что он собирал материалы.

— Для подделки?

— Для истории.

— Это не ответ.

Ракитин побледнел. В её голосе он услышал собственную привычку требовать точности.

— Я не видел, как делали грамоту, — сказал он. — И не спрашивал достаточно, когда она появилась.

— Почему?

— Потому что она подтверждала то, чему я хотел верить.

Это признание не делало его слабее. Но стоило ему больше всех прежних речей.

Катя встала.

— Тогда завтра спросишь вместе с ними.

— Я не позволю тебе идти в лавку.

— Я и не собиралась. Я сказала — ты спросишь.

Она взяла чертёж и вышла.

Ракитин не пошёл следом.

Дарья разложила на столе доказательства: страницу немецкой книги, два перевода, фотографию грамоты, квитанции, письма из ящика, лист с французским заголовком.

Связь становилась видимой: от поздней книги к старой бумаге, от неё к лавке, от лавки к Селезнёву.

Воронцов написал на чистом листе:

«1782 — содержание легенды».

Ниже:

«1913 — вероятное время изготовления текста».

Потом добавил:

«24 августа 1930 — убийство. Связь не доказана».

— Оставьте последнюю строку крупнее, — сказала Дарья.

— Почему?

— Чтобы завтра не забыть, когда увидим папку.

Соня перестала печатать.

— А если там признание?

— Тогда прочтём.

— А если счёт за чернила?

— Тогда проверим чернила.

— А если ничего?

Дарья посмотрела на немецкую книгу, которую кто-то пытался задержать всего на девять минут.

— Тогда спросим, кому понадобились эти девять минут.

— Вы отделите грамоту от Ордена? — спросил он.

— Придётся, — ответила Дарья.

— А Орден от людей?

— Нет. Именно поэтому пропавшая книга важнее.

Он кивнул, словно услышал приговор, который давно ожидал.

Краев запер бумаги из камеры хранения в сейф. Ключи разделили.

На столе осталась карточка Селезнёва:

«Не пересказ».

Дарья перевернула её и написала:

«Не убийство».

Воронцов убрал карточку в папку.

— Утром — к Тарханову.

Дарья захлопнула том. Пыль поднялась над столом и осела на слове «происхождение».

Утром Воронцов предъявит Тарханову опись. Дарья хотела наконец увидеть счета, по которым древность превращалась в товар.

ГЛАВА 5. АНТИКВАР

Москва. Пятница, 29 августа 1930 года.

1. Опись

Тарханов встретил обыск в жилете, галстук и с готовой описью вещей.

За ночь он не спал. Это выдавали глаза, но не почерк: каждая строка была ровной, номера проставлены красными чернилами, исправления заверены подписью.

— Чтобы потом вы не сказали, будто мы что-то принесли, — сказал Воронцов.

— Чтобы потом вы не сказали, будто ничего не унесли.

Он передал опись Дарье. В ней значились сто восемьдесят четыре предмета в торговом зале и шестьдесят два в мастерской. Часы в ореховом корпусе шли под номером сорок семь. Деревянный ящик с папкой — пятьдесят девять.

Папка осталась на месте.

Печать на двери не была повреждена. Постовой видел, как Тарханов и Алексей Фомич ночью дважды зажигали лампу, один раз пили чай и ни разу не выходили. Окна мастерской смотрели во двор и были заперты изнутри до опечатывания.

— Вы могли сжечь бумаги в печи до нашего прихода, — сказал Воронцов.

— Мог. Но тогда в описи было бы на одну папку меньше.

— Опись составили вы.

— Именно. Я заранее лишил себя удовольствия скрыть очевидное.

Дарья раскрыла папку. На первой странице стояло: «1913. Частные заказы». Дальше шли счета, письма, эскизы экслибрисов, рецепты клея, пробы бумаги. Ничего не было спрятано. Всё было опасно уже потому, что лежало открыто.

Нина установила порядок осмотра. Сначала фотографирование. Затем номера. Потом отдельные конверты. Никто не открывает часы, не разворачивает ломкий лист и не пробует чернила языком.

— Кто пробует? — спросил Алексей Фомич.

— После вчерашнего я никого не недооцениваю.

Приказчик покраснел.

Воронцов посадил его у окна и начал протокол.

— Кто был вчера в мастерской?

— Покупатель.

— Имя.

— Представился Фёдором.

— Это мы слышали. Зачем пришёл?

Алексей Фомич посмотрел на хозяина.

— Отвечайте, — сказал Тарханов.

— За письмами.

— Какими?

— Теми, что Павел Андреевич увёз.

— Откуда он знал, где они?

— Глеб Аркадьевич сказал, что могут быть на вокзале.

В комнате остановились все часы. На самом деле остановились только одни, но тишина после их щелчка прозвучала общей.

Воронцов повернулся к Тарханову.

— Вы послали людей за ящиком.

— Послал приказчика узнать, не оставлял ли Селезнёв ничего в камере хранения. Он вернулся ни с чем.

— Двое напали на женщину и ребёнка.

— Я не посылал нападать.

— А светловолосый в лавке?

— Посредник, которого нанял Алексей Фомич.

Приказчик вздрогнул.

— Вы сказали найти быстро.

— Я не сказал нанимать вора.

— Вы дали деньги.

— За сведения.

Воронцов записывал, не поднимая головы.

— Фамилии посредников?

Алексей Фомич назвал две. Обе оказались настоящими, мелкие скупщики с Сухаревского рынка. Внезапная загадка уменьшилась до обыкновенной трусости: антиквар не хотел официально требовать свои письма и нанял людей, которые наняли людей похуже.

— Зачем вам были нужны бумаги до обыска? — спросила Дарья.

— Потому что они мои.

— Это не причина для срочности.

— В них письма клиентов. После революции некоторые фамилии стали опаснее вещей.

— Список получателей помощи тоже опасен.

— Я не брал книгу.

— Вы знали о ней.

— Знал, что Павел ведёт расходы.

— Знали имена?

Тарханов медленно снял очки.

— Некоторые.

— Мария Рожкова?

— Да.

— Её брат Фёдор?

— Да.

— Поэтому ваш приказчик назвал беглеца Фёдором?

Алексей Фомич открыл рот.

— Он сам назвался.

— И вы выбрали имя, которое уже слышали в разговорах хозяина.

— Я не выбирал.

Воронцов поднял ладонь.

— Позже. Сначала папка.

Тарханов не возражал. Он только попросил записать состояние каждого листа до изъятия.

Дарья поняла: он боялся не того, что они найдут. Боялся, что они назовут находку не тем именем.

Этого же боялась она.

2. Корпус и механизм

Часы номер сорок семь отставали на одиннадцать минут.

Нина осмотрела корпус и попросила открыть заднюю дверцу. Тарханов дал ключ. Внутри, под механизмом, стояла карандашная дата «1913» и две буквы — «Г. Т.».

— Ваши? — спросил Воронцов.

— Мои.

— Вчера не знали, кто ремонтировал.

— Вы спросили о дате, а не об инициалах.

— Неудачная точность.

— Точность редко нравится тому, кто предпочёл вывод.

Антиквар снял маятник и осторожно вынул механизм. На латунной пластине была выбита французская марка конца девятнадцатого века. Под ней обнаружилась старая царапина, оставшаяся от другого крепления.

— Корпус старше механизма примерно на сто лет, — сказал он. — Циферблат русский, сделан ещё позже. Я собрал их в 1913-м.

— И продал как часы восемнадцатого века?

— Как часы в корпусе восемнадцатого века. В счёте всё указано.

Он достал книгу продаж. На странице за март 1913 года стояло подробное описание: «ореховый корпус, Германия, около 1780; механизм французский, замена; сборка и настройка в мастерской Г. А. Тарханова».

Цена была высокой, но обманом запись не выглядела.

— Значит, вы умеете соединить старую оболочку с новым содержанием и назвать это честно, — сказала Дарья.

— Вещь не обязана умереть вместе с первой пружиной.

— А бумага вместе с первым текстом?

Он посмотрел на неё.

— Вы пришли не за часами.

— Павел пришёл за ними.

— Павел сравнивал. Корпус старый, механизм новый, а предмет остаётся настоящим. Он хотел понять, можно ли так сказать о грамоте.

— И что вы ответили?

— Что у часов новый механизм виден. У грамоты новый текст спрятан под старой бумагой. Если продавец не называет замену, это подлог.

Воронцов перестал писать.

— Вы сами произнесли.

— Я не отказываюсь от слова.

— От действия отказываетесь?

— Пока вы не задали точный вопрос.

Дарья почувствовала раздражение, но не позволила ему выбрать формулировку вместо неё.

— Вы писали текст грамоты на старом листе?

— Нет.

— Вы заказывали текст?

— Нет.

— Вы нашли для него бумагу?

Пауза была короткой. Достаточно короткой для осторожности, слишком длинной для невиновности.

— Я продавал старую бумагу многим людям.

— Эту?

— Не знаю.

Нина поднесла фотографию грамоты к окну.

— На верхнем поле была ваша наклейка.

— Моя торговая.

— Значит, лист проходил через лавку.

— Да.

— До появления текста или после?

Тарханов поставил механизм на сукно.

— Вот этого Павел доказать не успел.

— А вы знаете.

— Я знаю много вещей, которые следствие превратит в другие.

— Тогда скажите так, чтобы превратить было трудно.

Антиквар посмотрел на Алексея Фомича, на Воронцова, на раскрытую папку.

— Сначала закончите опись. Потом я отвечу.

— Почему потом?

— Потому что в этой комнате есть доказательство, что моя память не единственная. Я хочу увидеть, найдёте ли вы его без моей помощи.

Воронцов усмехнулся без веселья.

— Испытание?

— Страховка.

— От чего?

— От вашего желания получить убийцу раньше, чем правду.

3. Пробы

В нижнем ящике стола нашли тридцать семь полосок бумаги.

На каждой было написано одно и то же предложение: «Свет хранится не в знаке, но в поступке». Почерки менялись. На одной строка шла ровно, на другой буквы были вытянуты, на третьей писавший имитировал дореформенное начертание.

— Упражнения, — сказал Алексей Фомич.

— Чьи? — спросил Воронцов.

— Клиентов. Глеб Аркадьевич заказывал образцы у переписчиков.

— Для чего?

— Восстанавливать утраченные подписи на грамотах.

Нина подняла голову.

- Восстанавливать или создавать?
- Если половины имени нет, его иногда дополняют.
- И сообщают об этом владельцу?

Приказчик замялся.

Тарханов ответил за него:

- Не всегда.

На обороте полосок стояли номера. Дарья разложила их по порядку. Между двенадцатой и четырнадцатой не хватало одной.

- Тринадцатая где?
- Не знаю, — сказал Алексей Фомич.

Тарханов промолчал.

Нина сравнила края. Все полоски были отрезаны от разных листов. Некоторые — современные. Несколько — старые, вырезанные из свободных полей повреждённых книг. На образце номер двенадцать чернила расплылись. На четырнадцатом легли ровно.

— Между ними нашли состав, который держался на старой проклеенной бумаге, — сказала она.

- Или сменили перо, — возразил Тарханов.
- Поэтому ищем тринадцатый.

В другом ящике лежали перья, пемза, порошок для впитывания, клей и небольшой костяной гладильник. Каждый предмет имел невинное ремесленное назначение. Вместе они составляли мастерскую, в которой можно было починить старый документ или заставить новый выглядеть старым.

Дарья не любила улики, которые становились преступными только при соседстве.

Нина нашла пузырёк с остатками бурых чернил.

- Сравним с грамотой.
- Не совпадут, — сказал Тарханов.
- Почему?
- Этим чернилам два года. Грамота появилась раньше.
- Когда?
- В 1913-м.

Ответ прозвучал буднично. Алексей Фомич уронил карандаш.

Воронцов медленно подошёл.

- Вы только что утверждали, что не знаете, был ли текст на листе.
- Утверждал, что не знаю, прошёл ли именно этот лист через мои руки до текста. Грамоту с текстом я впервые увидел в декабре 1913 года.

- Где?
- Здесь.
- Кто принёс?
- Найдите доказательство.

Воронцов захлопнул блокнот.

- Вы слишком уверены, что можете назначать условия.
- Я слишком давно вижу, как удобная фамилия закрывает дело.
- Ваша фамилия пока удобна только вам.

Он приказал осмотреть стены, полки, печь и внутренности крупных предметов. Тарханов не возражал, пока милиционер не потянул за ручку шкафа с редкими книгами.

- Сначала снимите верхний ряд, — сказал антиквар. — Задняя стенка рассохлась.
- Опасаетесь за книги?
- За человека. Если шкаф рухнет, книги переживут его.

Работали медленно. Снимали по одному тому, записывали номера, перекладывали на стол. За третьим рядом обнаружилась тонкая дверца. За ней — ниша.

В нише лежал конверт.

На нём стояло: «Не продавать».

Воронцов достал конверт при свидетелях. Внутри оказалась полоска старой бумаги с тем же предложением о Свете. Номер тринадцать.

Почерк не совпадал с основным текстом грамоты. Но отдельные буквы — вытянутые «д», узкое «т», петля у «у» — повторяли пометы на её полях.

— Чужая рука, — сказала Нина.

— Чья? — спросил Воронцов.

— Пока чужая грамоте или чужая основному писцу. Для фамилии мало.

Дарья перевернула полоску.

На обороте стояла цена: «25».

И дата: «ХІ. 1913».

— Вы купили образец? — спросила она.

Тарханов смотрел на бумагу так, будто надеялся и боялся увидеть её одновременно.

— Заплатил переписчику за пробу.

— Имя.

— В счёте.

— Где счёт?

— Среди бумаг, которые Селезнёв увёз.

Они разложили вокзальные пачки прямо на прилавке. Двадцать пять рублей нашлись в ведомости за ноябрь, но вместо фамилии стояла буква «Р.».

Ракитин подходил. Рожков подходил. Ещё сотни фамилий подходили.

— Виктор Ракитин? — спросил Воронцов.

Тарханов впервые рассердился по-настоящему.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда кто?

— Человек умер до революции.

— Имя.

— Ростислав Ренёв. Каллиграф и реставратор.

— Проверим.

— Обязательно. Иначе вы сделаете из буквы убийцу.

Нина убрала полоску в конверт.

— Ренёв мог написать пометы. Основной текст другой.

— Значит, работали двое, — сказал Воронцов.

— Или один делал пробу, другой использовал отдельные формы букв позже.

— Опять несколько версий.

— Хотите одну — закройте глаза.

Дарья заметила на задней стенке ниши царапины. Конверт доставали недавно.

— Вы прятали его вчера ночью?

Тарханов покачал головой.

— Он лежит там семнадцать лет.

— Почему «не продавать»?

— Потому что это единственное, что осталось от работы, за которую мне стыдно.

4. Договор

Договор с Селезнёвым оказался за обивкой конторского кресла.

Нашёл его не Воронцов и не Дарья. Алексей Фомич сел, услышал хруст бумаги, вскочил и побледнел. Нижний край ткани был прихвачен двумя новыми гвоздями. Воронцов велел снять обивку при свидетелях.

— Я не прятал, — сказал приказчик.

— Тогда кто?

— Вчера Глеб Аркадьевич просил убрать бумаги со стола до вашего возвращения. Я сунул договор куда успел.

— И забыли?

— Думал, его забрали люди с вокзала.

Тарханов закрыл глаза.

— Вы наняли чужих людей вернуть письма и одновременно спрятали документ от обыска, — сказал Воронцов. — Каждый ваш помощник улучшает положение.

Алексей Фомич хотел ответить, но хозяин остановил его.

— Он исполнял мой приказ сохранить частные бумаги. Ответственность моя.

Договор был датирован вторым июня. Селезнёв обязался установить происхождение двенадцати предметов из собрания Тарханова, не определяя их рыночную цену и не подтверждая подлинность без отдельного заключения. В приложении перечислялись часы, письма, две купчие, печать, перстень и «лист с текстом о хранителях Света».

Напротив последнего Павел сделал помету:

«Исследуется бумага, чернила, текст и история владения. Оплата не зависит от вывода».

— Вот, — сказал Тарханов. — Он не был куплен.

— Договор доказывает условие, не исполнение, — ответил Воронцов.

— Квитанции доказывают оплату.

— А ваш спор — давление.

Дарья прочла оборот. Там были промежуточные отметки Селезнёва: часы — завершено; купчая — сомнительно; печать — подлинная матрица, поздняя ручка; перстень — без заключения. Грамота оставалась единственным предметом, рядом с которым Павел написал не результат, а вопрос: «Кому была нужна после 1928?»

— Он исследовал не только изготовление, — сказала она. — Его интересовало возвращение документа.

— Потому что в двадцать восьмом начался нынешний круг, — ответил Тарханов.

— Кто принёс грамоту Ракитину?

— Я показал. Он потребовал отдать. Я отказался. Потом согласился на временное пользование.

— За деньги?

— Нет.

— Почему?

— Он убедил меня, что вещь принесёт больше пользы, если перестанет быть товаром.

— А вы знали, что её возраст ложный.

— Знал.

— Ракитин знал?

Тарханов отвёл взгляд.

— Он видел документ ещё до войны. Мог узнать.

— Это не ответ.

— Я не говорил ему.

— Потому что тогда он не взял бы?

— Потому что тогда пришлось бы объяснить всё остальное.

Алексей Фомич тихо сказал:

— Глеб Аркадьевич велел записать её как копию.

Тарханов резко повернулся.

— В книгу выдачи, не в каталог.

— Но потом исправили.

— Кто?

— Виктор Сергеевич. Сказал, слово «копия» унижает дарителя.

Воронцов отметил это. Дарья — тоже, но мысленно. Ракитин не изготовил ложь; он изменил название, под которым она вошла в новую жизнь.

В приложении к договору был указан второй платёж — после установления всех переходов вещи с 1913 года. Тридцать рублей ушли Селезнёву ещё до окончательного заключения. Тарханов оплатил проверку, которая могла погубить его торговую историю.

— Почему платили, если хотели остановить? — спросила Дарья.

— Потому что хотел знать, какие следы остались. И потому что надеялся, что Павел ошибся.

— А когда поняли, что нет?

— Потребовал вернуть мои письма.

— Не грамоту?

— Грамоту уже нельзя было вернуть в прежнее состояние. Письма — можно было спрятать.

Воронцов вложил договор в прозрачную папку.

— Это отделяет деньги от убийства, — сказала Дарья.

— Не полностью.

— Но уже нельзя утверждать, что он платил за фальшивое заключение.

— Нельзя, — согласился Воронцов. — И нельзя забывать, что после честной оплаты он послал воров за результатом.

Тарханов опустился в кресло, из которого вынули подкладку.

— Я предпочёл мелкое преступление старому позору.

— Мишина рука не считает его мелким, — сказала Дарья.

Он не нашёл ответа.

Алексей Фомич отвернулся к окну. Он отвернулся от хозяина и взглянул в окно. Договор спасал Тарханова от одного обвинения и оставлял приказчика наедине с тем, что тот сделал ради его страха.

Он молча убрал выпавшие гвозди.

5. Цена стыда

К обеду принесли сведения о Ренёве.

Ростислав Павлович Ренёв действительно работал каллиграфом, реставрировал документы, умер от тифа в 1919 году. В полицейских учётах до революции не значился. В каталогах выставок его имя появлялось дважды — рядом с Тархановым.

— Мёртвый соавтор очень удобен, — сказал Воронцов.

— Живой был бы удобнее, — ответил Тарханов. — Он подтвердил бы, что писал только пробы и исправления.

— А основной текст?

— Не он.

— Кто?

— Я отвечу после одного вопроса.

— Вы не ведёте допрос.

— Но вы хотите правду. Иногда это разные занятия.

Тарханов повернулся к Дарье.

— Что вы назовёте подделкой: старый лист с новым текстом, если заказчик знает о новом тексте?

- Если его показывают другим как документ 1782 года — подделкой.
- Даже если не продают?
- Цена бывает не только денежной.
- Правильно.

Он открыл книгу заказов на странице, которой не было в описи. Страница была подрезана у корешка и держалась на тонкой полоске ткани. Если тянуть обычным движением, она оставалась за обложкой.

- Вы скрыли её от ночной описи, — сказал Воронцов.
- Нет. Она относится к книге, а книга внесена целиком.
- Мелкая хитрость.
- Ремесло.

На странице значился заказ без фамилии: «Историческая композиция для частного собрания. Материал заказчика. Без права публикации и продажи. Оплата 300 рублей».

Дата — июль 1913 года.

Ниже рукой Тарханова:

«Подготовка справок о Вильгельмсбаде, русских братьях, знаках и титулатуре».

Ещё ниже:

«От изготовления окончательного текста отказался».

- Триста рублей, — сказал Воронцов. — Большая сумма за отказ.
- Я получил сто за подбор материалов. Остальное вернул.
- Кому?
- Посреднику.
- Имя.
- Владимир Чесноков.

Дарья знала эту фамилию по музейной переписке. Чесноков собирал масонские предметы, после революции уехал, его собрание распалось.

- Он заказчик?
- Нет. Он представлял заказчика.
- Кого?
- Не знаю.

Воронцов не скрывал недоверия.

- Вам дали триста рублей и старый лист, но имени вы не спросили.
- В антикварной торговле люди платят именно за право не объяснять, зачем им вещь.
- А вы продаёте им это право.
- Раньше продавал.
- Что изменилось?

Тарханов посмотрел на пробу номер тринадцать.

— Я увидел грамоту в декабре. Уже готовую. Чесноков принёс её и попросил подтвердить возраст бумаги. Не текста — бумаги. Я подтвердил.

- Зная, что произошло.
- Догадываясь.
- Вы продали ей возраст.

Антиквар кивнул.

— Да.

Признание оказалось тише часов.

Алексей Фомич отодвинулся от стола, будто стыд мог перейти через дерево.

- Почему оставили наклейку?
- Чтобы помнить происхождение листа. Позже её сняли.
- Кто?

— Не знаю. Когда грамота вернулась ко мне в двадцать восьмом, наклейки уже не было.
— От кого вернулась?
— Из части собрания Чеснокова, которую продавали наследники его московского партнёра.

— Имя партнёра?
— В деле.
— Каком?
— В папке, которую вы ещё не нашли.
Воронцов шагнул к нему.
— Хватит.
— Я не играю. Павел забрал её в воскресенье.
— Синюю папку семнадцать дробь С?
Тарханов посмотрел на него внимательно.
— Значит, вы знаете номер.
— Папка пропала после убийства.
— Тогда ищите её там, где убили.
— Искали.
— Плохо.

Дарья почувствовала, как Воронцов становится неподвижным. Это было опаснее гнева.
— Откуда вы знаете, где он её оставил?
— Он не оставлял. Принёс мне утром в воскресенье, а вечером забрал. Сказал, что покажет человеку, который поймёт цену молчания.

— Кому?
— Не назвал.
— Вы были в мастерской вечером?
— Нет.
— Докажите.
— До восьми я был здесь. После восьми дома один. Доказать вторую половину не могу.

Дарья заново сверила часы Тарханова с отметками в журнале. Теперь подозрение держалось на минутах, которые можно было проверить.

Тарханов это понял.
— Вот теперь, — сказал он, — вы нашли не подлог. Вы нашли мотив.

6. Свидетель с часами

Алиби до восьми подтвердили трое покупателей и мастер из соседнего двора. После восьми Тарханова видела только старуха, продававшая молоко у его дома. Она утверждала, что он вошёл без четверти девять.

— Мог выйти через чёрную лестницу, — сказал Воронцов.
— Мог, — согласилась она. — Там дверь не запиралась.
— Видели, выходил?
— Нет.
— Слышали?
— Я не караулила.
Уже у двери старуха вспомнила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.